

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Dubna 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

102

10-го апреля 1932 г.

10-го квітня 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ю. Лигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. К русскому народу. (Ruskému národu).
2. Чужинец: Великорусское казакофильство в первой половине XIX века. (Ruské kozákofilstvo v prvé polovině XIX st.).
3. М. Забэлло: Амурское казачье Войско. (Amurské kozácké Vojsko).
4. Н. М. Дмитренко: Долг зарубежного казака. (Povinnost kozáka-emigranta).
5. А. Т. Жуков: Ответ Харламову. (Odpověď Charlamovu).
6. Ив. Скобелин: Кому, чему и когда верить? (Komu, čemu a kdy věřiti?).
7. А. Ленивов: Предатель должен быть заклеямен. (Zrádce musí býti značkován).
8. Санжа Аршинов: Выброшенное письмо. (Vyhozené psaní).
9. Общеказачья студенческая станица в Белграде ген. Быкадорову. (Kozácka studentská stanica v Beogradě — gen. Bykadorovu).
10. И. Гашунский: Встречи и речи... (Nahodilé rozmluvy).
11. Казачьи фельетоны. (Kozácké feuilletony).
12. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
13. Пресса. (Pressa).
14. Выступление ген. Деникина. (Gen. Denikin mluví).
15. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
16. В Казакии. (V Kozákii).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Граево. — В. Е. — Получено. Привет.
Кочане. — П. С. — Будет посылаться.
Видин. — В. П. — Получено. Посылается. Привет.
Смедерево. — Д. З. — Будет помещено в след. номере. Привет.
Княжевац. — И. Н. — Получено. Привет.
Италия. — Н. П. — Будет напечатано. Привет.
Тулуза. — Х. — Все получено своевременно. Привет.
Лесковец. — Н. К. — Будет напечатано. Привет.

Мраморак. — Г. А. — Получено. Привет.
Cleveland. — А. А. — Посланы своевременно. Привет.
Cleveland. — Т. К. — Получено. Привет.
N. — Y. — Т. К. — Послано. Привет.
Лион. — А. Л. — Все получено. Привет.
Париж. — Е. Я. — Будет напечатано. Привет.
Многим. — Особых расписок в получении подписной платы не высылаем (из-за излишних почтовых расходов). Контролем, кроме ответа в почтовом ящике, служит высылка журнала.

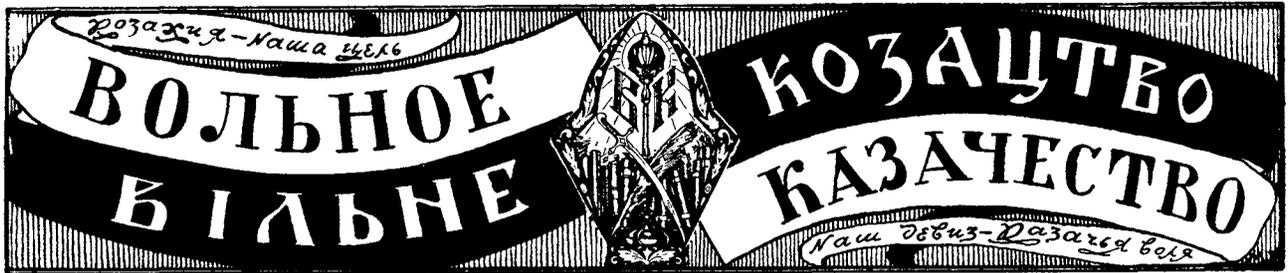
Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:
В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.
В ЮГОСЛАВИИ:
Б. А. Кундюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
А. А. Гейман. Зајечар.
В РУМЫНИИ:
В. П. Елисеев. M-ur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-ur Margouchine.
Bukarest V.
А. К. Бабков. M-ur Babbkoff, Galatz.
В ГЕРМАНИИ:
Г. А. Козловский. Berlin.
В ПОЛЬШЕ:
Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кириянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:
П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.
Т. Л. Ляхов. София.
В О ФРАНЦИИ:
Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-ur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-ur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. А. Болдырев. M-ur Boldyreff, UGINE.
И. В. Чуприна. M-ur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
И. Т. Курило. M-ur Kourilo, Bourg des Maisons.
С. К. Поляков. M-ur S. Poliakoff, Rombas.
В СЕВ. АМЕРИКЕ:
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).
В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:
С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:
И. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 102

Воскресенье, 10 апреля, 1932 — Неділя, 10 квітня, 1932.

№ 102

К русскому народу.

К тебе, русский народ, обращаемся мы ныне со своим словом — казачьим словом. Хотели бы, чтобы слово это было понято тобою так же искренно и честно, как честно и искренно мы его пишем.

Слушай!

Пятнадцать лет тому назад народы бывшей Российской Империи свергли царское иго. И, полные радостных надежд и глубокой веры в лучшее будущее, устремились освобожденные народы к свободе... Верили в мир и братское согласие всех народов... Светлая, взлелеянная мечтами целых поколений Свобода, влившись широкой и могучей струей в „тюрьму народов“, захватила и воодушевила души всех тех, кто столетиями изнывал в тяжком невольничьем ярме... И помнишь ли?.. Помнишь ли, русский народ, как в первые дни революции все народы мечтали о братстве, о федерации народов?..

И лишь ты молчал... А твоя интеллигенция, твои руководящие политические партии, твои революционные правительства, в глухой злобе затаив в себе черные мысли старого великодержавия, уже ополчались против только что родившейся свободы народов. Продолжая в национальном вопросе политику павшего царского самодержавия, они не считали приемлемым, не находили для себя и для „русского достоинства“ возможным говорить с другими народами бывшей Р. Империи как равный с равным... Яд великодержавных стремлений к господству над другими народами у твоих революционных правительств оказался не меньшим, чем у самодержавия царского.

Но, заговорил и ты, русский народ. Заносчиво самонадеянный в своих верхах и, казалось, безвольно пассивный в широких „низовых“ массах, ты скоро показал свое истинное лицо. Оно ничего хорошего не сулило другим народам. Только что сам сбросивший цепи рабства, ты „на второй день после революции“ стал уже тянуть в новую, свою кабалу тех, кто хотел

быть твоим братом. И неискренними и недостойными кажутся все твои казуистические заявления и уверения в том, что ты вынужден был совершать насилия против братьев и соседей во имя какого то „общего блага“, иллюзорного „единства русского народа“ или „единства русского государства“, или во имя сохранения привилегии „русской культуры“, которой ничто не угрожало — по крайней мере, с нашей стороны. Ибо, ничем нельзя оправдать насилия против свободы. Насилия, совершаемые в этом случае хотя бы и во имя твоих „наивысших благ“, не перестают быть насилием против свободы народов, против наивысшего из наивысших благ. Свобода была добыта всеми народами сообща для того, чтобы каждый из них пользовался ею по своему праву и по собственной воле. Но ты, русский народ, это наивысшее общее благо свободы подменил своим собственным „общим благом“, скрывая под ним ненасытное стремление к господству над другими народами, даже теми, кого ты называл иногда своим братом. Во имя этого стремления ты стал совершать над стремящимися к освобождению народами насилия, достойные твоих прежних царей. Теми насилиями ты первый стал убивать новорожденную свободу — и чужую, и свою собственную...

Это отшатнуло от тебя все освободившиеся вместе с тобой народы, вселило в души их тревогу и сомнение в целесообразности их стремлений к общему вольному строительству новой жизни — государственной жизни на новых началах самоопределения, на началах равноценности и равенства народов, на началах сговора и соглашения с тобою. А когда вскоре ты дал опору диктатуре большевико-коммунистической партии — новой тирании народов — все сомнения их относительно твоих истинных намерений рассеялись. Все стало снова ясно...

Тогда каждый из народов бросился строить свой дом, каждый сам и для себя должен был

и принялся устраивать свою собственную государственную жизнь. А ты, еще недавно сам объявлявший святыне принципы свободы и воли народов — самоопределение вплоть до отделения — ты на остриях штыков своих красных солдат опять понес тем народам старое историческое насилие твоих царей и снова залил кровью и слезами даже тех, кто имел неосторожность поверить твоим как оказалось — заверениям и — в устах твоих — ложным лозунгам свободы. Свою свободную жизнь, свой собственный суверенный государственный Дом смог построить только тот народ, кто с оружием в руках сумел отстоять свои границы против тебя, русский народ, предводительствуемого большевицко-коммунистической властью. У кого же не хватило физических сил отбить нашествие твоих красных армий, кто оказался слабее тебя, тому не помогли никакие, провозглашавшиеся тобою же самим, святыне идеи и высокие принципы свободы и равенства народов и священного права их на самостоятельную государственную жизнь. Насильнической, беспощадной грубой ногой красноармейцев ты жестоко потоптал там святость свободы, права и справедливости и вновь восстановил, вновь утвердил над народами свергнутый революцией режим бесправия, насилия и рабства. Держа в одной руке фальшивый ярлык „социалистической“, „советской“ и всякой иной „свободы“, ты другой рукой наново стал строить разваленную революцией „великую тюрьму народов“, загоняя в нее силой всех тех, кто не захотел добровольно подчиниться тебе и тираническому господству твоей новой власти.

Это ли не свидетельство того, что в твоих устах все освободительные лозунги звучали не искренно, что против чистых и доверчивых стремлений других народов ты держал за пазухой камень?!... Это ли не свидетельство того, что твои новые, признанные тобой вожди с твоего именно согласия двинули тебя на совершенные величайшей несправедливости и страшнейших злодеяний против права и свободы стремящихся к освобождению и государственной самостоятельности народов?!.. А то, что происходит вот уже 12 лет на территориях вновь поработанных тобою народов — не свидетельство ли это опять таки того, что твой кулак, твоя тяжелая поступь не легче и не мягче кулака и пяты царской?!..

Но, не думай, не будь сомнительно уверен, что такое бесправие будет продолжаться бесконечно долго. Грядут события, которые и перед тобой поставят многие вопросы ребром; настанет время, когда страдающие, изнывающие под твоим господством народы — по добру или против твоей воли — заставят тебя еще раз решать свой вопрос... И неизвестно, хватит ли у тебя сил покорить соединенные, солидарные между собою в борьбе за свою свободу народы и на этот раз... Неизвестно еще, удастся ли тебе и на этот раз насильем заглушить стремление к освобождению и восстановить ненавист-

ный режим рабства и эксплуатации народов. — Подумай об этом глубоко, русский народ; подумай и приготовься к достойному и искреннему ответу!

Среди поработанных ныне тобою народов, под тяжелым игом твоей власти страдают великим сверхчеловеческим страданием и казаки, которые тоже хотят жить человеческой жизнью, которые тоже стремятся к освобождению и к восстановлению своих человеческих прав. Они хотели бы одного: исполнения единственного заветного обусловленного природою и справедливостью желанья: жить на своей земле так, как им хочется, и предоставить такое же право всем другим народам. Казаки не хотят ничего чужого господства над собою и не стремятся сами к господству ни над кем другим. На своей дедовской земле, в своей хате — свое право и своя воля — этот величайший принцип истинной свободы — принимается Казачеством безоговорочно для себя и, в такой же мере, признается им право на такую свободу за всеми другими народами.

И сейчас мы, казачья эмиграция, объединенная в самостоятельном движении „Вольное Казачество“, берем на себя инициативу сказать тебе, русский народ, прямо и открыто еще раз о наших стремлениях и о том, как мы их хотели бы осуществить. И тогда от тебя и больше ни от кого другого будет зависеть — решится ли наш спор без крови и борьбы. Мы не желаем ненужного пролития крови ни своей казачьей, ни твоей, русский народ. Но, когда проливается тобою казачья кровь, она требует ответа.

До сих пор за тебя, русский народ, говорили твои цари, потом — революционная и неревolutionная, демократическая и недемократическая, партийная и непартийная интеллигенция, говорили военные и политические организации... Ты же или угрюмо молчал и, исполняя веления старой своей власти, совершал над нами свои исторические насилия, или, поддакивая ныне власти своей — рабоче-крестьянской, — повторяешь ее лицемерные лозунги и... продолжаешь совершать еще большее насилие.

Теперь кричат за тебя на весь свет: советская большевицко-коммунистическая власть или изгнанная тобой эмигрантская, бывшая раньше у власти интеллигенция, а ты — молчишь или поддакиваешь... Твоя настоящая власть распинает, уничтожает многострадальное Казачество, а ты молчишь и... помогаешь. Твоя революционная интеллигенция за границей и остатки царско-помещичьего строя одинаково таят в себе губительный яд злобы и ненависти против свободы Казачества, готовясь и к своему по нем удару, а ты — молчишь и... одобряешь.

И вот мы пробуем вступить с тобою, русский народ, в переговоры непосредственно. Обращаемся к тебе открыто и желаем говорить „на-чистоту“.

Вспомним весну 1917 года. Сколько уверенный в братстве слышали мы, казаки, от рус-

ского мужика в солдатской шинели!.. Какие „сладкие“ речи вел он о справедливых отношениях; о справедливой новой власти! Сколько приводил аргументов, опирающихся на совместную „окопную жизнь“ в Мировой войне или ссылок на „общий военный котелок“!.. И все это до тех пор, пока, мы, казаки, не были разоружены и пока вы, русские красные вооруженные солдаты, не полонили наши беззащитные станицы и города.

А потом что было? — Исчезли, развеялись твои, русский народ, соблазнительные речи, уста твои исказились безбожной бранью; глумлением и бесстыдным издевательством проявился ты над слабыми и беззащитными и твои руки обогрились на казачьей земле казачьей кровью. Хуже, чем в завоеванных вражеских землях, насилывалось и губилось тобой казачье население; хуже, чем дикий варвар и разбойник, ненасытно господствовал ты в нашей земле, в нашем доме...

И восстали мы. По завету отцов и дедов подняли мы на насильников свою руку для защиты своих жен и детей, отцов и матерей, своего труда и своего добра, своей земли и своей воли, своего права и поруганного, истоптанного тобою своего человеческого достоинства. И в огне и крови принесенной тобою в наш угол войны стали мы строить и защищать свой родной дом, — свои вольные, самостоятельные государства — казачьи республики.

Но, пришел ты к нам, русский народ, и с другой стороны: пришли к нам другие твои солдаты, офицеры и генералы — „белые“. И наши, не подвластные тебе, казачьи государства и земли сделали вы — „красные“ русские и „белые“ русские — ареной решения вооруженной силой своего внутреннего домашнего спора, чуждого и не нужного нам... И вновь весь ужас этой твоей борьбы обрушился на нашу землю несчастную...

И не менее соблазнительные слова слышали мы и от твоих солдат „белых“. Пришли и они к нам с лозунгами свободы и порядка. Но и они говорили эти сказки лишь до тех пор, пока не захватили наших территорий, пока не овладели нашими богатствами и пока нас самих не свели на единоборство со своими красными противниками для достижения своих целей и осуществления своих интересов. И на наших землях, в нашей хате господствовали твои „белые“ не лучше твоих „красных“.

Боролись мы и с твоими „белыми“ и продолжали строить свой Дом. Боролись и с „красными“, и с „белыми“... Выбивалось из сил, изнурялось, изводилось борьбой на два фронта Казачество... И не можем теперь сказать, кто хуже, кто лучше из вас был, ибо, когда мы бросили „белых“, „красные“ залили наши земли еще обильнее казачьей кровью. По какому божескому или человеческому праву? — спрашиваем мы.

Чего же хотим мы, казаки, и чего хочешь ты, русский народ? Можем ли мы говорить между собою открыто и искренно? И можем ли мы договориться?

Мы, казаки своих стремлений не скрываем. Наша цель открыта и ясна, ибо — справедлива и оправдываема всеми законами человеческого общественного бытия. Наши стремления чисты и честны, ибо опираются на право и оправдываются человеческим достоинством. Наша политическая программа коротка: мы боремся за освобождение, мы хотим строить свое собственное свободное государство и жить в добром согласии со всеми своими соседями, в том числе и с тобою.

Что нового в этой программе и в наших, выраженных в ней, желаниях? — Мало нового! — ибо наша нынешняя программа есть лишь повторение священного завета наших предков. Мы теперь повторяем и стремимся к тому, что завещали нам наши деды и прадеды. Наши желания и лозунги — желания и священные лозунги всего великого, единого и векового Казачества в целом — от глубоких времен старины до сегодняшнего дня — и это единственное желание, этот лозунг — Свобода.

С этим желанием, с этим лозунгом шло Казачество всю свою историческую жизнь. И не только для себя одного искало оно это наичелнейшее человеческое благо. Всегда приходило оно на помощь и другим, ищущим свободы, права и справедливости. Помогало Казачество не раз и тебе, русский народ, искать волю и землю... Припомни историю, припомни наши взаимоотношения. Сколько твоих сынов, уходивших из-дому от царской тирании и помещичьего крепостнического деспотизма, находили свободу и защиту на казачьих землях среди вольного и радушного казачьего народа! Великим казачьим правом — правом убежища — пользовался ты, русский народ, в полной мере в разные тяжелые дни и невзгоды твоей исторической жизни. Приходил ты к нам не раз рабом и становился на нашей земле свободным господином себе и равным нам братом. На казачьей земле ты снимал свои оковы и опоясывался мечом свободного рыцаря. Это ли не было казачьей помощью тебе?!

Но не только ты ходил к нам искать свободы, — и сами мы не раз носили к тебе свободу... Вспомни великие освободительные движения Разина и Пугачова. Отвыкни от извращенной и несправедливой мысли, внушенной тебе царями и старыми помещиками, что эти казачьи вожди были „разбойниками“. Разин и Пугачов, свободные сыны казачьей земли, несли светоч казачьей воли и народоправства и на твои русские земли. И там, где ступала казачья нога, там рвались и опадали с русских мужиков-рабов крепостнические оковы... Это ли не было казачьей братской помощью тебе?!

Были времена, когда Казачество искренно хотело помочь тебе. А как же отплатил ты Ка-

зачеству эти благородные его стремления? — Ты, во главе со своими царями и царицами, нес в Казачьи Земли огонь, меч, разрушение и истребление. Покорение „под ножи“ деспотов и рабские оковы нес русский мужик-солдат туда, откуда раньше и на него готов был излиться луч свободы. — Так отплачивали русские цари казачьим вождям Разину и Пугачову!..

Это было в прошлом. А вот и в недавнее уже время, увлекая нас на борьбу с коммунистической властью в сов. России, твои „белые“ вели нас тоже под флагом помощи тебе. Не было ли и это желанием со стороны казаков помочь тебе? — И не мы, казаки, виноваты в том, что для тебя твои „красные“ оказались более своими, более желательными и приемлемыми, чем „белые“...

Мы, вольные казаки, берем на себя инициативу мирного решения нашего с тобой спора и установления нормальных между нами взаимоотношений. Никто так, как мы, не хотел бы решить этот вопрос мирно, без борьбы и крови. Мы никого не хотим звать к ответу за грехи против Казачества в прошлом. Сам ты должен был бы добросовестно сознать эту историческую вину свою и, если не чуждо тебе чувство божеской и людской справедливости, сам ты должен был бы искать путей исправления ее. Мы, повторяем, не хотим лить кровь ради прошлого, ради минувшего... Не хотели бы мы лить ее и при решении настоящего нашего с тобой вопроса. И если бы наше доброе к тебе, русский народ, казачье слово нашло в душе твоей соответствующий искренний отклик; если бы наша инициатива встретила у тебя такое же желание мирным путем раз и навсегда решить наши взаимные исторические споры; если бы ты действительно искренно и по братски захотел, чтобы между нами в будущем установились и укрепились добрососедские отношения и мирное сожителство равных, то первым твоим шагом на этом добром и мирном по отношению к нам пути был бы: увод со всех казачьих территорий всех абсолютно вооруженных русских сил. Конец военной

оккупации — должно быть первым твоим словом мира.

Мы говорим с тобою открыто и честно, русский народ; мы не скрываем своих намерений: мы хотим свободно сами на своей земле по своей собственной воле и праву устраивать свою жизнь. От тебя же желаем полного невмешательства в казачьи дела навсегда. Ты должен признать за нами такое же абсолютное право на самостоятельную государственную жизнь, какое признаем мы за тобою. Мы желаем, чтобы ты занял за границами Казачьих Земель надлежащее свое место доброго мирного соседа и никогда и ничем уже не навязывал впредь своей воли Казачеству.

Мы искренно и открыто говорим тебе о своих желаниях. Мы свободно, открыто и нелицемерно провозглашаем свою программу. Мы, таким образом, открыто и добросовестно предлагаем тебе решение нашего вопроса. Говорим: Мы не хотим твоего, но не дадим, защищаем и будем защищать свое...

Скажи же, чего хочешь ты, русский народ? Чего ты желаешь: мира или борьбы? Хочешь ли признать наше священное право на свободу и государственную самостоятельность или собираешься вновь и впредь насильем топтать его?

Мы говорим с тобою непосредственно и хотим слышать от тебя непосредственно и ответ. Скажи, чего хочешь ты?

Но помни одно: сколько бы и как долго бы не господствовал ты над другими народами, как бы жестоко не давил их своими оккупациями, — все равно придет великий час их освобождения, ибо Правда существует в мире для того, чтобы разрушать ложь и обман; Добро — для того, чтобы уничтожать зло; Свобода — для того, чтобы убивать насилие и рабство. И чем больше и жесточе будешь ты душить и притеснять других, тем более будут ненавидеть они тебя в ответ, тем большею и сильнейшею будет их отплата, когда придут и для тебя трудные времена, а для них счастливые дни Освобождения.

Мы сказали. Со спокойной и чистой совестью ждем твоего ответа.

„Что касается нашего отношения к русскому народу, то оно зависит и будет всегда зависеть от отношения русского (великорусского) народа к нам: мы не нападаем, а только защищаемся. Ненависти не питаем и проповедывать ее не собираемся, но защищать свое право и свою свободу будем...“

„В. К.“ № 1, 10 декабря 1927.

„Повторяли и повторяем: были бы счастливы, если бы нам все же удалось убедить когонибудь и из русских, если бы Казачеству удалось достигнуть своих ближайших политических и государственных идеалов без крови. Мы не хотим тратиться на нее с легким сердцем: кровь — последний аргумент, последнее средство. И чем меньше бы пролито было ее в будущем, тем лучше бы было для обеих сторон. Мы не ищем войны ради войны, — мы только защищаемся, защищаем свою жизнь, свое право и свою свободу.“

„В. К.“ № 26, 25 декабря 1928.

„Мы... не собираемся идти против не только новой, но и против всякой России: мы работаем не против России, а за Казачество. Мы боремся за освобождение Казачества и, если зовем его, то только для самозащиты. Мы не хотим, чтобы Россия к нам шла войной, все равно какая — старая, настоящая или новая. И только... Зла России не желаем, но хотим добра прежде всего Казачеству...“

„В. К.“ № 65, 25 сентября 1930.

Чужинец.

Великорусское казакофильство в первой половине XIX века.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Под именем великорусского казакофильства мы объединяем здесь и наиболее интересные проявления сочувствия казачеству в великорусской литературе и проявления идеи вольного казачества в среде самого великорусского казачества*). Интерес к казачеству и роли его в истории проявлялся в российской литературе в двух направлениях, а именно, как интерес к участию казачества в великих народных движениях XVII и XVIII века, коими оно руководило (Смута, Разинщина, Пугачевщина) и к роли его в покорении севера Азии и юго-востока России; а также, как интерес к вольной жизни казачества и к казачьей державности (гетманская Украина, Запорожская Сечь, вольные Дон и Яик).

Самым видным казакофилом, идеологизовавшим политическую самосознательность казачества, его высокие республиканские и гражданские чувства, был поэт-декабрист Рылеев (1795—1825). В особенности, в своих „думах“ воспел он казачество, отчасти донское в лице Ермака, но главным образом украинское. Создание „Дум“, как указал это сам Рылеев в предисловии к ним (Москва, 1825), было навеяно ему „историческими песнями“ („Спевами гисторичными“) польского поэта Немцевича. Но тут-же Рылеев оговорился, что „дума — старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдачном, Палее — и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них“...

Казачеству посвящены были следующие „думы“ Рылеева: „Ермак“, „Богдан Хмельницкий“, „Петр Великий в Острогжоске“, отрывки из поэмы „Наливайко“, особенно знаменитая „Исповедь“, „Гайдамак“, „Палей“ и, наконец, большая поэма „Войнаровский“. Стихотворения Рылеева пропитаны общерусским патриотизмом. В уста Ермака он вкладывает слова:

„Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно в мире жили“...

Очень часто, описывая борьбу Мазепы с Петром, Рылеев, и в тексте, и в писанных для цензуры примечаниях, заставляет героев упоминать об исторической правоте „Великого Петра“. Но чувствуется, что истинными героями автора являются и борющиеся с Петром Мазепа, и Войнаровский, и республиканская казачья держава — Украина.

У Рылеева Мазепа говорит Войнаровскому:

„Я зрю в тебе Украины сына!
Давно прямого гражданина
Я в Войнаровском угадал...
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детьми и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая мстью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью“...
... „Я решил, пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем;
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем...“

Войнаровский — у Рылеева — это вернейший страж казачье-республиканских вольностей и национальной свободы. В его уста Рылеев вкладывает следующий монолог, в котором Войнаровский не щадит даже национального казачье-украинского героя — Мазепу:

*) От ред. Под именем великорусского казачества автор понимает, очевидно, донских, яицких и др. казаков, что, как мы уже знаем, не отвечает действительности в чем читатели убедятся и из этой статьи.

„Он приковал к себе сердца,
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.
Не знаю я, хотел-ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон...

... Не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и глас природы,
Его сразил бы первый я,
Когда-б он стал врагом свободы“...

Что касается Мазепы, то даже потерпевши поражение, спасаясь бегством вместе с Карлом XII, он говорит (у Рылеева):

„Спокоен я в душе своей;
И Петр, и я, мы оба правы;
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей...“

Одновременно с польскими романтиками-казакофилами и Рылеев идиллическими чертами изображал первые годы жизни украинского казачества в польско-литовской державе. У него Наливайко в „Исповеди“ своей говорит:

„Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом;
Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславым;
Казак в союзе с ляхом был,
Как вольный с вольным, равный с равным,
Но все исчезло, как призрак,
Уже давно узнал казак
В своих союзниках тиранов...“

Описание казака у Рылеева выдержано в романтических тонах:

„С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и с нагайкой.
На аргамаке вороном
По степи мчит Наливайко.
Как вихорь, бурный конь летит,
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из под копыт
Как облако во след несется...“

В том же роде описывал поэт и казачью жизнь:

„Бывало, кони быстроноги
В степях и диких, и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле
И малой горстью толокна.
В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды,
Иль шумный ветер, иль курган;
И мы, как туча громовая,
Внезапно и от разных страх^а
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан,
Дружины грозные громили,
Селения и грады — в прах,
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх...“

Один отрывок также посвящен был Рылеевым и боевой жизни донских казаков:

Вкушает враг беспечный сон,
Но мы не спим, мы надзираем,

И вдруг на стан со всех сторон
Как снег внезапный налетаем.
В одно мгновение враг разбит,
Врасплох застигнут удалцами,
И в-след за ними страх летит
С неутомимыми Донцами.
Свершив набег, мы в лес густой
С добычей вражеской уходим,
И там за чашей круговой
Минуты отдыха проводим.
С зарей бросаем свой ночлег,
С зарей опять с врагами встреча,
На них нечаянный набег
Иль неожиданная сеча...“

Но главное внимание Рылеева в жизни казачества привлекает к себе его борьба за казачью волю, политическую свободу и национальную независимость. Особенно характерен в этом смысле конец „Исповеди Наливайки“:

„Угрюм, суров и дик мой взор;
Душа без волюности тоскует.
Одна мечта и ночь, и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
„Пора!“ мне шепчет голос тайный,
„Пора губить врагов Украйны!..“
Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю...“

Можно себе ясно представить, с каким чувством прочитаны были в казачьих краях и, в особенности, на Украине „Думы“ Рылеева. — „Могу-ли я, — писал ему в 1825 году видный украинофил той эпохи Маркевич, — могу-ли я хладнокровно читать „Войнаровского“ и „Наливайку“! Примите мою и всех знакомых мне соотечественников благодарность. Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка“...*)

Пример Рылеева вдохновил и Пушкина на его „Полтаву“. И, хотя героем Пушкина явился Петр, а не Мазепа, однако и у него нашлись слова сочувствия борьбе за казачью волю, за гетманскую Украину.

„Украйна глухо волновалась:
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны“.

Украинской молодежи приписывал Пушкин „ропот“:

„Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойлович молодой,
Иль наш Палей, иль Гордиенко
Владели силой войсковою;
Тогда-б в снегах чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссии печальной
Освобожились уж полки?...“

Самодержавие царя московского Пушкин противопоставлял казачьей волюности и союзу угнетенных народов. Странники Мазепы, по его словам:

„Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным мутят,
Там будят диких орд отвагу,
Там за порогами Днепра
Страшают буйную ватагу
Самодержавием Петра“...

Нет нужды напоминать стихотворения Пушкина, посвященные донским казакам, Дону:

„Блеща средь полей широких,
Вот он летя! Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон...“

Стихи эти слишком известны. Они были данью духу времени. Надо-ли напоминать, что единственный исторический труд свой Пушкин посвятил Пугачеву.

К числу казакофилов — россиян надо причислить из числа декабристов барона В. И. Штейнгеля, Александра Бестужева, К. Ф. Рылеева и, в особенности, А. О. Корниловича. За последние годы опубликованы новые материалы о восстании декабристов и об его подготовке. Барон В. И. Штейнгель в 1822 г. советовал Н. Ф. Смирному, автору книги „Жизнь и подвиги графа М. И. Платова“, Москва, 1821, — написать историю Донского Войска, но тот отозвался, что ему „не из чего составить ее“. За то декабристы находились в связи с другим донским историком, поручиком лейб-гвардии Казачьего полка Вас. Дм. Сухоруковым, который с 1821-го по 1825-й год собирал материалы для статистического и исторического описания Земли Войска Донского.

По показанию Рылеева и Александра Бестужева, они „в 1825 году открыли Сухорукову о существовании Тайного Общества, имевшего целью введение в России конституционного образа правления. Сухоруков отвечал, что он давно сие подозревал, но не полагая однако возможным по настоящей наклонности умов. На вопрос Рылеева о духе донских казаков, Сухоруков отвечал, что они весьма привержены к правительству и любят Государя. Потом просил их о содействии Обществу к распространению на Дону просвещения посредством заведения училища, на что они отвечали обещанием постараться. А. Бестужев присовокупил, что вообще видно было, что Сухоруков воображал найти в Обществе значущих людей, которые бы могли иметь влияние на его родину, и вся цель доставить землякам просвещение, а Рылеев искал в нем содействия эдаких эскадронов, и оба обманулись“. Это показание спасло Сухорукова от присоединения к процессу декабристов. Его даже не допрашивали. По докладу Комитета, производившего следствие, состоялось секретное высочайшее повеление 13-го июля 1826 г. — „оставить (Сухорукова) на Дону, не отправляя лейб-гвардии в казачий полк, иметь (за ним) бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении“.*) Мы знаем, как до самой смерти Сухорукова гоняли на службу на окраины и отпустили в отставку лишь за 4 месяца до смерти (он умер в Новочеркасске 13 авг. 1841 г., 45 лет от роду).

Кружок донских декабристов, точнее автономистов-республиканцев, во главе которого был Сухоруков, так и не был открыт властями. К нему принадлежали молодые донские офицеры с университетским образованием (сам Сухоруков кончил Харьковский университет в 1815 году). Это были: Кучеров, Кушнарев, Поснов, Селиванов, Колесников и др. Декабрист Завалишин, со слов Корниловича, сообщает, что в донских „тайных обществах мечтали о возобновлении казачьего самоуправления и волюности посредством восстановления войсковых кругов“.

Мы знаем также, что кружок Сухорукова, помимо донских традиций, узнал о государственном бытии Дона в прошлом из материалов, хранившихся в архивах, как на Дону, Сев. Кавказе и в Приазовьи, так и в особенности в Москве.

Здесь друзьями и пособниками Сухорукова были с одной стороны знаменитый архивист П. М. Строев, открывший Сухорукову глаза на неведомые ему тайны донского прошлого в архивах, с другой стороны, историк декабрист Корнилович, по случайным обстоятельствам имевший доступ в Государственный Архив. Вместе с А. О. Корниловичем издал в 1824 году Сухоруков „Русскую Старину“ на 1825-й год, в которой поместил свое обстоятельное исследование „Общежитие донских казаков в XVII—XVIII столетиях“. Весьма характерен был эпиграф из Жуковского, избранный Сухоруковым для своей статьи, кончавшийся словами:

*) Письмо Н. А. Маркевича Рылееву, „Рус. Стар.“, 1888, № 12, стр. 593.

*) „Восстание декабристов“, т. II, стр. 182.

... „О, родина святая!
 Чье сердце не дрожит,
 Тебя благословляя...“

Но родиной называл Сухоруков не Россию, а именно Дон. А приложенные к статье 5 песен Сухоруков назвал „донскими национальными“ песнями. Все эти мелочи имели свое значение и были соответственно поняты на Дону.

Роль Строева в снабжении Сухорукова соответствующими материалами из архивов не достаточно еще оценена донскими историками. От него узнал Сухоруков о существовании ценнейших грамот и получил их копии. Для Сухорукова было понятно значение напр. такого акта*): в лето 7181 (от Р. Хр. — 1673-е), января 21-го царь Алексей Михайлович пригласил на испытание новой артиллерии, в Ваганьково, „показать пушки новые“ весь тогдашний дипломатический корпус. И вот список приглашенных послов: „Дацкой резидент Магнус Гей, да Кизылбашской (персидский) посланник, да Юргенской посол, да Мугалские посланцы, да Донские казаки“ с Фролом Минаевым во главе. Один такой акт яснее определял взаимоотношения Дона и Московского царства, чем многие рассуждения. Переписка Строева с Сухоруковым показывает, сколько драгоценных сведений по истории донской республики дал Строев Сухорукову.

Кружок Сухорукова не был единственным в своем роде на Дону. М. Чайковский в своих мемуарах рассказывает, что польские помещики Юго-Западного Края жили дружно (в 1815—1831 г.) с расквартированными в крае русскими офицерами, в особенности с донскими казаками.**). В лицее отцев-пиаров в Межиречье вместе с польской молодежью учились и представители донской аристократии — Иловайские, Дмитров, Чернозубов, Орлов-Денисов, Платов. Там воспитывались они в идеях вольного казачества. Выходя из лицея, становясь офицерами, многие из них возвращались в Польшу и в Украину, где все верхи были польские, и там укреплялись в идеях донского казачьего (хотя и аристократического) автономизма. Чайковский отмечает (в конце 1820-х г.г.) графиню Орлову-Денисову, донскую казачку, по мужу графиню Пален, которая любила чтение книг по истории казачества и пение казачьих песен, и внука М. И. Платова, молодого поручика Войска Донского, поэта, мечтателя, поклонника Байрона, проявлявшего интерес к судьбам Задунайской Сечи.

Отметим еще донского казачьего полковника Грекова, который в 1814 г. вступил в Париж в авангарде союзных войск. И у него были связи со сторонниками идеи вольного казачества из польско-украинской среды.

Некоторые связи донцов с поляками становились известными начальству, и например, в 1820 году цесаревич Константин Павлович сообщил в Петербург начальнику Главного Штаба, а тот распорядился: „неблагонадежных в поведении офицеров Донских казачьих полков, находящихся по границе в Царстве Польском переменить с Дона другими, отсылая худых Войска Донского к Войсковому Атаману к обязательному их направлению в тоже время на службу в Донские полки в Крым и в Грузию, дабы они не жили праздно на Дону.“ Мера эта имела целью убрать донских автономистов, заравнивших либеральными идеями в глушь, на азиатские окраины, и не допустить их завязать связи на Дону.

В начале 30-х г.г. народ был поставлен во главу угла русской словесности. Надеждин писал в 1831 г. в „Телескопе“***), во вступительной статье, что для России „начинается эра живой народной словесности. Тучи бродят над Европой, но на чистом небе русском загораются там и здесь мирные звезды, утешительные вестницы утра...“ Этим „утром“ было пробуждение интереса к простому народу, к народу, а не к государству или его правителям. Изучение народа, его жизни, его коллективного прошлого вело к изучению реального народа, к изучению отдельных мест-

ностей, их населения, их истории. Проявлением такого интереса к отдельному краю в составе Российской Империи была та „История Донского Войска“, которую написал застрявший в 1831 г. в Новочеркасске по болезни российский офицер В. Б. Броневский. Получивший в свои руки многие из актов, собранных Сухоруковым, „историк“ этот состряпал свой благонамереннейший, т. е. в самом централизаторском духе написанный труд. Но и он даже, самым предметом своей работы, вынуждался говорить, что казаки противопоставляют себя — русским, а Донскую Землю — России. И он даже не мог умолчать об особенностях Дона в его прошлом.

Лица с более широким кругозором, занявшиеся русской историей, как историей населявших Российскую Империю народностей, приходили ко взглядам, весьма далеким от московско-петербургских централизаторских исторических воззрений.

Идеи близкие к идеям „вольного казачества“ высказал в 1830 году Николай Полевой, автор первой истории русского народа, а не русского или российского государства. В №№ 17 и 18 своей газеты „Московский Телеграф“ (за 1830-й г.) Полевой поместил разбор „Истории Малой России“ Бантыша-Каменского. В нем он писал: „Заметим одно: все казаки были русские, но какие русские? Они говорили русским языком и назывались христианами... Почитать казаков в Донских частях древней Руси — не должно. Только язык и вера сближали их с Россией и, наконец, покорили их России...“

С. Руссов, написавший на Полевого „антикритику“, цитировал еще такие, с его точки зрения еретические мысли: „малороссияне, белорусцы, казаки и прочие — не русские“. Полевой „видит в них какую-то особенную народность и местность“.

В том же № 17 Полевой писал: „Россия окружила казаков отовсюду и требовала повиновения общему порядку дел. Началась борьба казацкой, дикой независимости с политическим могуществом исполнена. Разин, Булавин, Пугачев были страшными, но тщетными усилиями казацкой свободы...“

В отношении жителей северной части России, Приволжья и Придонья Полевой высказывался так: „Они в отношении к нам тоже, что колонисты и цыганы, — наши, но не мы. — Мы обрусили их аристократов, помаленьку устранили местные права, ввели свои законы, удалили страптивых, сами перемешались с простолюдными, туземцами, но за всем тем обрусить туземцев не успели, так-же, как татар, бурят и самоедов. Они — наши, но не мы...“

В том же 1830 г. газета писала, что „еще Разумовский согревал в душе тайную мысль о свободе Малороссии...“

„Малороссиян времен Наливайки и Хмельницкого, писал позже Н. Полевой, не должно представлять себе людьми, похожими на жителей Парижа, которые с трехцветной кокардой на шляпах брали Бастилию в 1789 г. и Лувр в 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Бюренгальском поле“.

Далее Полевой признавал, что Россия изменила обещаниям, данным казакам и Хмельницкому.

Подобные взгляды на Дон, Украину и, вообще, на населяющие Россию народности и соединенные с государством российским краем, независимо от параллелей между историей казачьих держав и французскими революциями 1789 и 1830 годов, были совсем не ко двору в николаевскую эпоху. Министр народного просвещения Уваров, предлагавший закрыть газету еще в 1830-м году за статьи о казачестве, добился закрытия „Московского Телеграфа“ в 1834. В числе мотивов закрытия мы находим и Разумовского, и казаков, и жителей Придонья, и Разина с Болотниковым и Пугачевым, о коих поминал Полевой.

Поэт „пушкинской плеяды“ А. И. Подолинский написал в 1830 году стихи о „Старом Гетмане“, опубликованные им, впрочем, гораздо позже (перед смертью). В них были такие строки:

„Нет, он (ветер) не подкосит слабеющих ног,
 Украина поднимет на плечи

*) Опубликованного позже в „Дополнениях к Актам Историческим“, т. VI, стр. 245.

***) „Русс. Ст.“, 1896, № 4, стр. 159.

***) 1831 г., т. I, стр. 45—46.

Того, кто ей цепи расторгнуть помог.
Кто другом свободной был Сечи.
Пускай одряхлел он от лет, и от ран,
Но лавры горят на седине,
И преданность встретит в народе Богдан,
Как встретит отец в своем сыне."

Подольский был не одинок. Целый ряд романов, изображавших казачество, появился в это время.

В 20-30-х годах XIX-го века, помимо романов и повестей, написанных украинскими авторами по русски

и помянутыми в статье об украинском казакофильстве, появились романы: Буткова „Гайдамаки“, фон-Лизандера „Запорожцы“, Сомова „Гайдамаки“ (1829), Подольского „Гайдамаки“ (1828), Ананьина „Кочубей“. Уже в 1853 г. Н. А. Толстой пытался провести через драматическую цензуру свою пьесу: „Кондратий Булавин.“ Драматическое представление в 3-х действиях. Ряд произведений касался донского Казачества, в частности Разиновщины и Пугачевщины.

(Окончание следует).

М. Заблло. (Царьгород).

Амурское казачье Войско.

(Военно-исторический обзор).

Амурское казачье Войско возникло по мысли ген.-губ. Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьева-Амурского. Признавая неотложным, для защиты Охотского побережья Камчатки и занятых в 1850-1853 г. г. пунктов у устья р. Амура, открытие водного сообщения по этой реке из Забайкалья, чем достиглась бы возможность легко перевозить сплавом войска и провиант, Муравьев сделал соответствующее представление в Петроград, но, в виду возникшей войны 1853—1856 г. г., не считая возможным дожидаться окончания дипломатических переговоров с Китаем и сам предпринял решительный шаг: 14 мая 1854 г. он отплыл из Нерчинска с сотней казаков в первую военную экспедицию. Через месяц экспедиция прибыла благополучно на пост Мариинский, близ которого и основала первую казачью станицу Суци.

В то время весь левый берег р. Амура, за исключением небольшого пространства у устья р. Зеи, представлял обширную лесную пустыню, в которой изредка попадались бродячие охотники-инородцы.

Муравьев убедился, что содержание в этой пустынной стране регулярных войск невозможно и, соединяя задачи прочного водворения оседлого населения с необходимостью устройства военного охранения границы, остановился на решении, что традиционное переселение казаков в новую страну является наилучшим выходом.

Весной 1855 г. Муравьев отправил вторую партию, состоявшую из конной сотни казаков Забайкальского Войска с заур.-есаулом Скобельциным, который был послан в устье Бури с целью выбора мест для новых станиц. В 1856 г. предполагалось переселить из Забайкалья уже до 3.000 душ казаков обоего пола, с тем, чтобы обеспечить сформирование 6-ти сотенного конного полка.

Вместе с тем Муравьев свои предположения о заселении казаками пограничной линии Амурского края представил в Петроград, где для рассмотрения проекта было образовано особое совещание. Журналами этого совещания, утвержденными 26 окт. и 1 нояб. 1856 г., было постановлено переселить на Амур 15.000 казаков обоего пола для образования одного конного полка и 4 батальонов пластунов Амурских казаков, предоставив ген.-губ.-ру выработать положение об этих частях. Кроме того, министру иностр. дел было предоставлено, в зависимости от хода переговоров с китайским правительством об установлении новой границы, представить свои соображения относительно времени приступа к переселению.

Муравьев решил не ждать результатов дипломатических переговоров и в 1857 г., желая воспользоваться хорошим урожаем хлебов в Забайкальской казачьей Области, дававшим возможность обеспечить переселенцев-казаков 2-годич. запасом, послал по Амуру 3 сотни и их семьи — казаков Сучинской станицы.

20 мая отплыл первый казачий транспорт, а через 8 дней отправился и сам Муравьев с назначенным в Пекин для окончательных переговоров послом. Помимо казаков, с этим эшелоном, по стратегическим соображениям, были отправлены и 2 линейных батальона с дивизионом полевой артиллерии русских регулярных войск. Регулярные войска должны были обеспечить переселенцам казакам устройство жилищ и пашен. Всего

было переселено 451 казачья семья, в составе 1850 душ обоего пола, занявших пространство свыше 980 верст (от Усть-Стрелки до Хинганга), при чем места поселков до Усть-Зейска были выбраны лично Муравьевым.

Для облегчения казакам переселения были приняты разнообразные меры: выдача пособий (обмундированием, материалами, обиходными вещами, деньгами и т. п.), снабжение лошадьми, снабжение продовольствием на первые 14 мес., и т. п. Эшелоном казаков заведывал ком-р Забайкальской бригады генерал Хилковский. К сожалению, не все указания Муравьева были выполнены, вследствие чего переселенцы-казаки попали в крайне тяжелые условия: интендантство запоздало с доставкой и погрузкой муки и задержало плавание, почему экспедиция прибыла к устью р. Зеи лишь в половине июля, что помешало казакам надлежащим образом устроиться до наступления зимы (в октябре на Амуре уже появляется лед), заготовить запасы фуража и хоть сколько нибудь распахать земли для весеннего посева. В виду позднего прибытия на места, все усилии казаков были направлены на постройку жилищ. По недостатку помещений зимой в некоторых поселках развилась сильная смертность среди детей. Цены на жизненные припасы поднялись до чрезвычайных размеров и провизию доставали с большим трудом. Вследствие усиленных работ и бескормицы, значительная часть скота пала, а другая была съедена в течение зимы. Положение переселенцев-казаков ухудшалось еще и тем, что пополнение убыли запасов возможно было только с открытием навигации, т. е. в апреле и мае 1858 г.

Не смотря на такие неблагоприятные условия, в 1857 г. на Амуре все же прочно основалось 17 казачьих поселков, в которых разместились 3 конные сотни. 16 мая 1858 г. Муравьев подписал Айгунский договор и тотчас же отплыл вниз по Амуру для обозрения новой границы. Попутно полк. Будагосский выбирал места для поселения пешего батальона от Малого Хинганского хребта до р. Уссури, а сам Муравьев указывал пункты для поселения пеших казаков по нижнему течению р. Уссури и выслал экспедицию вверх по этой реке для выбора мест для поселения казачьего батальона.

В течение 1858 г. переселение казаков шло интенсивнее: всего было переселено 2.350 душ обоего пола, основавших 32 новые станицы. В общем, к этому времени был расселен весь конный полк, и начато поселение пеших казаков, основавших, между прочим и станицу Хабаровскую (ныне гор. Хабаровск). В том же 1858 году Муравьев, осмотрев поселения казаков, окончательно установил: 1) что конный полк необходимо усилить еще двумя сотнями, чтобы иметь возможность сформировать два 4 сотенных полка, и 2) что переселенцы 4 батальонных округов, по составу их семейств, дадут возможность выставить лишь два пеших батальона, почему надо эти округа увеличить переселением семейств ниж. чинов из гарнизонных батальонов, чтобы довести число выставляемых батальонов до 4-х.

Представляя 26 сентября 1858 г. разработанный проект основных положений о переселении Войске, Муравьев просил назвать новое Войско казачье Амурским, учредив его на следующих основаниях: 1) на-родонаселение Войска должны на первое время соста-

вить переселенные в Амурский край казаки Забайкальского каз. Войска и переводимые нижние чины, — всего от 15 т. до 20 т. душ обоего пола; 2) народонаселение делится на 4 округа; два полковых (по левому берегу р. Амура от соединения Шилки и Аргуни до сел. Гинкапского) и два батальонных („Амурский“ — по Амуру от сел. Гинкапского до устьев р. Уссури и „Уссурийский“ — по прав. берегу этой реки до ее верховьев и далее по сухопутной границе до морского побережья); 3) округа формируют: полковые — два 4-сот. конных полка (1-й и 2-й Амурские) и батальонные — 2 пеш. 5 сотен. бат-на действующих (Амурский и Уссурийский) и два батальона резервных (только в военное время); 4) кон. полки составляют Амурскую кон. бригаду; 5) Амурское Войско подчиняется военным губернаторам Амурской (2 кон. полка и Амурский б-н) и Приморской (Уссурийский бат.) областей, пользующимися: по гражд. части правами гражд. губернаторов, а по военной — правами нач. дивизий.

Испрашивая Амурскому казачьему Войску различные льготы и преимущества, Муравьев доносил: „Новые расходы казны не должны останавливать сего важного дела, с которым тесно связана будущность и благосостояние края“...

Основные положения о Войске были утверждены 8 дек. 1858 г., а затем последовало и повеление разработать подробное положение об Амурском казачьем Войске.

Переселение казаков в последующие годы шло непрерывно. В общем, за 1857—1862 г. г. всего было переселено 13.879 душ об. пола (7.130 мужского пола), в составе 3095 семей, которые образовали вдоль р. Амура 67 станиц и на р. Уссури — 29 станиц.

1-го июня 1860 г. было утверждено положение об Амурском казачьем Войске, в которое были включены и приведенные выше предварительные основные постановления.

(Окончание следует).

Н. М. Дмитренко.

Долг зарубежного казака.

(Слово на празднике 100 номера „В. К.“ в Белграде).

Станичники да простят мне, если я в своем слове коснусь больных струн казачьих и попытаюсь заглянуть немного вперед. Слово мое, в большей своей части, основано на собственных наблюдениях, а также на основании данных о казачьей жизни здесь, в изгнании, и там, в родных Краях.

Многие, быть может, скажут, что заглядывать в будущее Казачества рано. Нет. Вопрос о нашем будущем встал перед нами с первых же дней по вступлении на чужую землю. И кому, как не нам, казакам, об этом задуматься? Мы находимся здесь, за рубежом, но признайтесь, что души наши — там, в степях бескрайних и широких. И днем и ночью, на работах по добыванию куска хлеба, в минуты грусти и радости, неустанно одна мысль сверлит наш мозг: Когда же и как?.. Мысль о покинутых Краях, о родных, оставшихся там, о судьбе Казачества никогда не покидала нас. Эту мысль, эту духовную связь с родными Краями не смогли у нас вырвать и 12 лет оторванности от них...

Но эти 12 лет, все таки, хотя и частично, но уже наложили на нас свой заметный отпечаток. Позвольте, станичники, задать себе и вам вопрос: А что будет с Казачеством, если настоящее положение продлится еще двенадцать лет?.. Двенадцать таких же лет для нас, находящихся здесь, в полной неизвестности завтрашнего дня и в состоянии оторванности от своего главного, живого организма, в чуждой среде, среди людей, живущих совершенно другими моральными и материальными идеалами, где мы представляем капли в море, будут для нас роковыми в физическом и духовном отношении. Постепенно мы теряли веру в то, что через год-два вернемся домой и очутимся на своей обетованной земле. Даже наши старые вожди, любившие раньше занимать наши головы такими обещаниями, все реже и реже пускают теперь это в ход. Все казаки, кто был в составе Кубанской дивизии в 1922-3 г. г., вероятно, помнят, как в апреле или в мае 22 года прибыл в дивизию один из старших начальников по поручению Кубанского Атамана и говорил (и совершенно серьезно), что „не дальше, как через три-шесть месяцев, будем дома“. И таких предположений, уверенней, очень часто „основанных на точном подсчете сил, времени и средств“ казаки наслушались вдоволь. Но, как видите, „воз и ныне“... здесь.

И вот (спаси нас Господи от этого) вдруг — еще двенадцать лет!?. Уже сейчас между нами заметно некоторое равнодушие к своей судьбе и судьбе всего Казачества. Бывают случаи, когда казака совершенно не интересует — как живут другие казаки, что делается среди казаков здесь, или там, на родине; не интересует некоторых смысл пребывания здесь, их дальнейшая жизнь, не как просто человека, а как казака, человека почему-то носящего это имя. Равнодушие к самому себе,

к долгу, к судьбе всего Казачества не есть ли началом национально-духовной „ликвидации“ и ассимиляции с чужими? Как пример, разрешите привести один случай: Недавно пришлось случайно разговаривать с одним молодым казаком из Нового Сада. На мой вопрос: Как живет, в какой станице состоит, как станичные дела и пр., он ответил: „Мне все равно, кто бы мной ни управлял, хоть цыган, лишь бы жить“. Приходилось встречаться и с пожилыми казаками, которые почти всю жизнь отдали служению Казачеству в том или ином виде, а теперь они, у которых наша молодежь должна была бы искать опоры и учиться, постепенно отходят от казачьей общественной жизни, отговариваясь неимением времени, усталостью и успокаивая себя тем, что „нигде нет правды; утерять веру во все“.

Вполне понятно: тяжелые годы изгнания; жизнь полная неизвестности вперед; потеря веры, вследствие неумения разобраться в складывающейся вокруг политической обстановке в международном масштабе, а потому — растерянность и незнание как и что делать, какими путями идти, чтобы вернуть своему народу утраченную свободу, ослабили во многих энергию и подорвали дух...

Присмотритесь вокруг внимательнее и таких, готовых служить „хоть цыгану, лишь бы жить“, и изверившихся во всем, людей с надломленной волей и усталым сердцем вы найдете в своей среде не мало. Прибавьте сюда и те сотни одиноких, заброшенных в глушь, в чужие края, вот уже сколько лет совершенно не встречающихся с казаками, забывших даже свой язык. В 1926 году мне пришлось встретиться с таким казаком и говорить. В македонской одежде, в опанках, он с трудом понимал смысл моих слов, а отвечать мог только по македонски. Это было в 26 году, а что с ним теперь?..

Есть еще одно явление в нашей жизни, которое заставляет серьезно задуматься о будущем. Я беру на себя смелость говорить о печальной перспективе — ухода нас старых казаков, воспитанных в казачьем духе, в вечность. И вот в таком случае, наше молодое поколение, уже имеющееся и будущее, будет ли казачьим, при существующих условиях воспитания, когда казаки, женатые на иностранках, принуждены предоставить воспитание детей их матерям, имеющим дух, язык, часто и религию своего народа? Приходится сомневаться. Для того, чтобы дети воспитались в казачьей национальной сущности, надо, чтобы мужья-казаки — сперва перевоспитали своих жен, будущих матерей их детей, и только в таком случае мать будет способна передать детям казачий дух и вырастить их казаками. Такие случаи есть, но, к сожалению, нельзя этого считать за явление распространенное. Часто бывает так, что занятый тру-

дом отец совершенно не имеет возможности влиять на жену, а часто бывает и так, что жена влияет на мужа и доходит до того, что запрещает ему говорить на своем языке и видется со своими соотечественниками, ходить на собрания и пр. Согласитесь, при таком положении будущность наших детей вселяет тревогу и это положение опять таки грозное для Казачества.

Еще большую тревогу вселяет будущее Казачества, если оценить положение там, на родине. Там картина не меньше безобразна. Все сведения, идущие оттуда, свидетельствуют о том, что Казачество на Родине, на своей земле систематически и сознательно уничтожается московскими оккупантами. Достаточно вспомнить донесения о гибели тысяч восставших в плавнях; взят в счет ссылки, тюрьмы, расстрелы, приходится со скорбью в душе думать, что казаков с казачьей идеологией остается все меньше... Осталась молодежь... Что бы оценить эту молодежь, я приведу вам слова одного старого казака, писавшего мне: „Если вы через год-два не спасете нас, то и спасать будет некого; Казачества не будет, а о молодежи и говорить не приходится“...

Обратимся к данным зарубежной печати о подрастающем там поколении... (Так как выдержки очень обширны, редакция принуждена была опустить эти сведения, смысл которых можно кратко выразить словами: полное развращение).

Представляете ли вы картину, когда это молодое поколение, воспитанное в двух разных мирах, со всеми отсюда вытекающими последствиями, молодежь зарубежная и под большевиками выросшая, встретится...

Не хочу быть каркающим вороном, а хочу лишь голко сказать: нужно, братцы, искать выхода, путей к спасению во что бы то ни стало. А путь есть, и положение все еще не так безнадежно, как здесь, так и там. Есть в нашей жизни и светлые искры, допускающие надежды. Здесь есть силы живые, зовущие Казачество духовно воспрянуть, отдать себя на служение родным Краям, стонущим под игом оккупантов. Есть организации, станицы, общества и кружки, есть казачья печать, зовущая нас на наш исторический путь. И можно надеяться, что казачество найдет свой путь к восстановлению своей казачьей родины — Казакии. Там, на родине нашей, несмотря на всяческие гонения и массовое истребление, на духовное развращение молодых, есть еще силы, которые в нужный момент сольются с нами в одном желании — обрести свою казачью родину. Задачи казачьей эмиграции — сохранить в чистоте казачью идеологию, казачье национальное самосознание. В случае затяжки пребывания здесь, надо передать эту идеологию в чистоте последующим за нами

поколениям. Чтобы они также знали, что их пребывание здесь — временно, что на них лежит обязанность — не дать Казачеству раствориться в чуждом море, захлестнуться и исчезнуть. Или мы, или наши младшие братья, придя туда, должны донести и влить живые, здоровые идеи казачьей свободы; для этого мы сами должны сохраниться.

Путь к спасению, как я уже говорил, есть; он обозначен казачьим печатным органом „Вольное Казачество“. беру на себя смелость говорить вам, станичники: Во имя спасения Казачества, нас самих, пора проснуться, открыть глаза и понять кто и что нам проповедует и узнать, кто наш, Казачества, настоящий друг, а кто желает сделать нас только средством служения другому народу, хотя бы за это мы были обречены на исчезновение, как казаки.

Мы, казаки, должны развить свою общественную жизнь, должны интересоваться и заниматься политикой, изучать свое прошлое и настоящее, научиться разбираться в них и делать соответствующие выводы, чтобы найти свое место в будущем. Мы должны укрепить в себе веру в свои творческие силы, чтобы мы могли оказаться достойными гражданами своего Края, а не какими-то мягкотелыми существами, готовыми „служить хоть цыгану“.

Читайте, братцы, казачью печать, будящую спящих, открывающую глаза слепым. Если отсюда казаки вернутся духовными возрожденными эмигрантами и столкнутся там с морально развращенными поколениями, то вряд ли возможно возрождение Казачества. Повторяю, что не все потеряно, путь к спасению есть и он нам уже указан.

Пусть каждый из вас, уйдя домой, задумается над этим, пусть пореется в своем сознании и найдет свою обязанность, свой долг в эти минуты смертельной опасности своего народа. Трудные и опасные моменты бывали, бывают и будут в жизни многих народов. Не думайте, что только мы, казаки, впервые оказались в таком положении; политическая история человечества полна подобными примерами. Но всегда и везде в таких случаях народы эти спасались жертвенностью и сознательностью своих лучших и смелых сынов, решивших спасти свой народ, или с честью умереть. Но никогда ни один угнетенный народ не спасался деяниями всяких применяющихся к обстоятельствам хитреных людей, которые всегда, под видом служения народу, делали в трудные и опасные минуты его жизни только личные дела, личную карьеру. Дай Бог, чтобы в Казачестве последних оказалось меньше и больше истинных сыновей матери Казакии.

А. Т. Жуков.

Ответ Харламову.

Господа, прежде всего должен вас предупредить — я выступаю здесь персонально, а не как официальный оппонент или защитник В. К. Последнее само сумеет достойно за себя ответить, если найдет это нужным. За свои слова отвечаю только я и никто другой. Свои упреки и неудовольствие прошу направлять исключительно в мой личный адрес.

Мы собрались не для споров и раздора, но для беседы, чтобы взаимно поделиться взглядами. А выводы каждый волен делать в зависимости от его личной совести и разума.

В самом начале своего доклада уважаемый докладчик изволил категорически заявить „сепаратизм В. К. явление новое, но я не разделял и не разделяю его“... „Сепаратизм или самостийные течения — вредны для Казачества“...

Здесь на лицо — явное, хотя, может быть, даже и неумышленное смещение понятий, а именно: вопреки закону логики полностью отождествляется самостийная идея и журнал „В. К.“. Что журнал „В. К.“, как журнал, действительно, явление не столь старое. Это верно: ему идет всего лишь 5-й год. Но сказать то же самое про

сепаратизм Вольного Казачества, как идею, совершенно невозможно. Абсурд!

Самостийная идея так же стара, как и само Каз-во, которое было некогда самостоятельным и, я глубоко в том уверен, будет и еще самостоятельным. В том, что докладчик не разделял и не разделяет идеи сепаратизма нет ничего убедительного, а тем более страшного. Всякая идея сильна и ценна своей внутренней сущностью, а не мнением о ней отдельных лиц и даже целых групп.

Бессмертная истина Галлилея относительно вращения земли нисколько не утратила от того, что с ней первоначально никто не соглашался. То же самое вполне применимо к другому выражению: „Сепаратизм или самостийные течения — вредны для Казачества.“ А я вот держусь диаметрально противоположного мнения. И что же? От этого, ведь, дела не изменятся. Гораздо благоразумнее будет предоставить решение этого вопроса самому Каз-ву в его целом. Наши личные мнения останутся при нас, а вот мнение всего Казачества, которое будет высказано в нужный момент, для всех нас явится обязательным. Только тогда станет очевид-

ным — куда движется Каз-во: по своей ли казачьей дороге или по чужому пути. Предугадать это событие кажется не так уж трудно. Можно сказать смело, что казаки скорее всего пойдут своей дорогой, а не чужим шляхом.

Далее, докладчик говорил; „В. К.“ извращает прошлую историю и историю ближайших дней, так сказать, занимается демагогией... Преподносимый „ВК“-вом материал наукой и историей назван быть не может; оно, т. е. „В. К.“, на заранее поставленные темы подыскивает подходящий материал“.

Чудесно! Но, ведь, в любом учебнике логики термин наука, научный определено довольно точно и единообразно. Наукой называется совокупность проверенных опытом знаний, касающихся какого-либо предмета или явления, приведенная в строгую систему и связанная основной идеей.

Это определение научности в полной мере применимо к „В. К.“, ибо оно собрало разрозненный исторический материал, касающийся определенного предмета — Казачества, приводит этот материал в стройную систему и связывает его единой основной идеей. Всякое же последовательное изложение событий и фактов из жизни народа само по себе уже является историческим. Следовательно, преподносимый „ВК“-вом материал, вопреки утверждению докладчика, является одновременно историческим и научным.

Теперь о заранее поставленных темах. Тут докладчик, по моему, говорил явно не в свою пользу. Скажите мне, пожалуйста, кто из вас, задавшись целью изучить Фому, станет собирать материал об Ереме. Нелепо! Да, наконец, спросим у самого докладчика — как он поступил, готовясь к своему докладу о казачьем сепаратизме? Точно так, как поступил бы каждый здравомыслящий человек: на заранее поставленную тему он подобрал подходящий материал. Не стал же докладчик, говоря о самостоятельности, приводить материал, относящийся к результатам сухого режима в Америке. Было бы смешно.

Напрасно докладчик пытался убедить нас в том, что для вольных казаков вопрос о предках является несущественным, он нужен им, мол, только ради желаемых выводов. Смее вас уверить, господа, что для нас, вольных казаков, вопрос о предках весьма важен сам по себе. вне зависимости от выводов. Мы ни в коем случае не желаем уподобиться пресловутому Демьяну Бедному, для которого предки и даже родители — не более, как буржуазный предрассудок; о своей матери он говорит, как деревенской проститутке, а об отце — и того неопределеннее: — два солдата. Поди-ка, разберись в такой генеалогии! Нет, такая мораль Каз-ву не подходит.

Принцип самоопределения народов докладчик признает хорошим, святым, дорогим, но для нас, казаков, считает его неприменимым. Что и говорить, — с обстоятельствами считаться надобно всегда, даже в делах маловажных. Однако делать вывод, пользуясь лишь отрицательными примерами — прием недобросовестный.

Мы можем указать целый ряд положительных примеров, когда отдельные народы побороли обстоятельства и добились своей независимости: Эстония, Латвия, Польша, Финляндия, Чехия. Как раз те народы, которые боролись за свою самостоятельность, добились ее, а те, что следовали методам докладчика, т. е. доверяли устройству своей жизни другим (Армения) или не боролись сами за себя, а ждали подачки, милостыни — те остались рабами.

Мы, вольные казаки, никогда не теряем надежды, что Каз-ву еще представятся благоприятные обстоятельства и уверены, что на этот раз казаки не повторят своих ошибок 1917—20 г. г. и уж никому не позволят собой распоряжаться; они будут строить свою жизнь своими же руками, по своему разуму и совести. В щедрые подарки от московской власти, хотя бы в виде федерации мы не верим. Доказательством тому служит вся многовековая история Казачества.

Буквальные слова докладчика: „Оберегание своего угла, своей хаты утопично, как сейчас, так и тогда“...

Утопично — это значит нереально, невозможно в действительности.

Что это, господа? Насмешка, шутка или издевательство? Если защита своего угла почитается утопичной, то что же тогда реально? Неужели защита чужой хаты?! Вот до чего, господа, мы договорились! Свой угол защищать нельзя. Бросай его, бросай свое хозяйство, иди устраивать чужое!

Во все времена люди с таким своеобразным взглядом на собственный угол почитались морально несостоятельными и юридически неправомочными; родственники добивались над ними опеки, лишали их права распоряжаться своим углом... Зверь и тот защищает свою берлогу, а казаку и это ставится в вину, как преступление.

Где же тут логика, здравый смысл и простая совестливость? Не вижу! При таком толковании вопроса, конечно, никто не пожелает обзаводиться своей хатой.

В. К., — говорит докладчик, — выдвигает целый ряд несправедливых и неверных положений, а именно, что „казаки воевали с русским народом, а не с большевиками“, что „русский народ — наш враг и с ним еще придется воевать“..., что „казацкие вожди неправильно ставили цели во время борьбы с большевиками, которые-де в противном случае не пошли бы против казаков“ и т. д.

В этом утверждении докладчика я усматриваю целый ряд передежек и умышленных подтасовок.

Прежде всего, В. К. объективно никогда русский народ врагом не считало. В этом легко убедиться внимательно просмотрев журнал „В. К.“ за все четыре года. Это вам подтвердят лица более компетентные из присутствующих.

Когда же русский народ выступал или выступит, ведомый черными, белыми или красными правителями, все равно, против казачества, в этих случаях В. К. считало его врагом и будет таковым считать. Да, иначе и быть не может. Всякий идущий против меня — мой враг.

Как бы мы ни называли красные полчища, пришедшие с севера в Казачьи Края, все равно, в конечном итоге они состояли из русских людей. С кем же велась в 1917—20 годах война? С англичанами, турками или итальянцами? Ну, конечно, нет! С Лениным, Троцким или Радеком? Да, нет же! Они преспокойно сидели в Московском Кремле.

Кто же на поле битвы был фактическим врагом? Русские красноармейцы! Почему же в этом случае нельзя назвать их своими врагами, а непременно надо почитать за друзей?

Это по меньшей мере странно. А от подобных вещей Казачество не гарантировано и в будущем, а потому должно быть готово ко всему.

Что наши вожди неправильно ставили цели борьбы — это неопровержимо доказано всем ходом последующих событий. А что у них имеются свои оправдания на этот счет — это уж другое дело. Мысль же, что большевики не пришли бы в Казачьи Земли, если бы борьба велась иначе — приписана В. К.-ву совершенно ложно. В. К. утверждает, что в случае постановки ясных целей борьбы, т. е. за свои интересы, Казачество эту борьбу могло бы выиграть и большевиков в наших Краях теперь бы не было.

Эта мысль далеко не подходит на произвольные толкования докладчика, что большевики бы не пришли и т. д. Нельзя же заниматься извращением чужих мыслей. Этим хороших результатов не достигнешь.

В период борьбы казацкой армии или части были лишены добровольческой армией свободы решения и действий, а таковые армии всегда обречены на поражение, независимо от их количества и качества.

Первое время большевики, обуянные энтузиазмом мирового пожара, стремились именно на запад, а не на юг. И только когда убедились в несостоятельности своих вождельцев там, тогда лишь решили пока что закрепляться в России и подумывать об экономике и т. д. Мудрые рассуждения командарма Егорова напоминают мне пресловутый задний ум мужика. Ленин, как раз думал иначе, чем Егоров. Когда событие проходит — оно всегда делается ясным и находит свое оправдание.

Теперь поговорим об извращении „ВК“-вом истории. Это извращение докладчик усматривает в том, что

„В. К.“ приводит такие исторические факты, которые русской официальной историей замалчиваются или в лучшем случае затушевываются, а иногда обрабатываются в таком духе, что из черного получается белое.

Но, ведь, есть, господа, и другая история — документальная. И вот, когда сопоставить эти две истории, получается совсем иное впечатление... Например: покорение Москвой Великого Новгорода представляется как акт величайшей важности в политическом и экономическом смысле, а по документам это рисуется как акт величайшего погрома, грабежа и крови при завоевании малокультурным княжеством Московским — свободного, независимого и культурного Новгорода.

Разгром Петром Донского Войска (помните его приказ: „отсюда и досюда уничтожить все“?), когда было уничтожено до 10 тысяч казаков, а станицы и городки почти сплошь были снесены с лица земли — этот факт официальной русской историей умалчивается или представляется как государственная необходимость и т. п.

Для Дона же это был погром, кровь и слезы.

Екатерина II уничтожила Запорожскую Сечь и превратила свободных людей в крепостных. Русская история поставила это ей в великую заслугу. В памяти же Запорожцев Екатерина II осталась не более, как „вражья баба“.

Событие, имевшее место в марте 1920 года, а именно: увод в Крым добровольческих частей и оставление Донской и Кубанской Армии на побережье Черного моря квалифицируется правительством Юга России, как великий подвиг — спасение национальных сил России, а вот с точки зрения Казачества это — самое обыкновенное и подлое предательство.

Теперь, господа, разберитесь сами и скажите — можно ли извратить историю, которая сама сплошь построена на извращениях? Примеров можно привести бесконечное множество. Говоря об извращениях исто-

рии, докладчик, очевидно, чувствуя свою слабость, прибегает к неожиданному и довольно-таки своеобразному рецепту — как избежать извращений истории. Он говорит: „Ну, что ж, что Петр рубил головы казакам? Так он же и стрельцам рубил и даже своему сыну отрубил голову?“ Вряд-ли кто согласится с таким „убедительным“ доводом. Когда вам рубят голову, то тут уж нельзя утешиться тем, что и еще кому-то рубят голову.

А далее следует рецепт еще проще, еще „убедительнее“. Это когда докладчик говорил о мобилизации Керенским 2-х военных округов против Казачества. Докладчик так буквально и сказал: „это тоже надо забыть“.

Вот она — не искаженная российская история в применении к Казачеству! На то, братец, не обращай внимания (не одного тебя секут!), а вот это... ну, это просто надо позабыть.

Теперь я несколько не удивлюсь, если в один прекрасный день нам, казакам, просто и спокойно скажут: „Да, о чем вы там волнуетесь? Экая важность, что большевики ограбили ваши Края, истерзали пытками ваших отцов, братьев, жен и детей; не у нас же одних это проделано... и вообще, это давно уж надо бы позабыть“...

Да, господа. Вот оно где настоящее извращение истории и чистая демагогия!

Позабыть?! Нет и тысячу раз нет! Забывать такие вещи мы, вольные казаки, не можем!

Пусть это делают те, для которых страдания и кровь Казачества, вся его жизнь не более как случайный эпизод истории Российской.

Для нас же, вольных казаков — Казачество не эпизод: для нас оно самодовлеющая ценность, факт нашей жизни, оно наше счастье, наша гордость, наша цель, за которую мы будем бороться до конца!

Предавать забвению кровь казачью — величайшее преступление. За это мы дадим ответ перед Богом, Родиной и будущей историей.

Ив. Скобеллин.

Кому, чему и когда верить?

(Недоумение по поводу доклада В. А. Харламова в Париже).

28 февраля с. г. на своем докладе г. Харламов щедро бросал фразы: „Сепаратизм в Казачестве — явление новое. Я его не разделяю и не разделяю“; „в казачьей общественности замечено новое явление, дотоле Каз-ву неизвестное“; „до той формы мы не доходили“; „сепаратизм или самостийность вредно для казачества“; „оберегание своего угла, своей хаты утопично, как сейчас, так и тогда“.

Одним словом, вольноказачье освободительное движение вдвойне преступное дело — преступно и перед Казачеством и перед „Великой Россией“; его начали, мол, люди ничего не понимающие, „серая масса“, от слепого отчаяния и т. д. и т. п.

Эти его слова, подтвержденные „высоким авторитетом“ докладчика, произвели на меня странное впечатление, что как будто какая то тайная сила во внешний облик старого казака Харламова каким то способом вложила совершенно нового человека. Ибо я, хотя и принадлежу к „серой массе“, принимал ближайшее участие в „недавней казачьей истории“ и внимательно слежу за всем тем, что касается Казачества, что относится к его судьбе.

Помню 1918 год, когда войска во главе с Атаманом проходили церемониальным маршем перед Войсковым Кругом. По окончании церемонии, председатель Войскового Круга В. А. Харламов, обратился к войскам со следующей речью: „Большой Войсковой Круг ВВД рад видеть свою родную Армию. Привет вам, молодые Донские орлы, от Тихого Дона сверху до низу и снизу доверху Вы призваны на защиту Дона, его прав и вольностей“ (Донская Летопись, № 3).

Кто в этот день и в этот год в рядах донских орлов, под звуки церемониального марша, шел по ко-

выльной степи Атаманского поля в Персияновке, тот скажет: „Это было! Так точно!“

Тогда тот, другой Харламов, говорил донским орлам: „Вы призваны на защиту Дона, его прав и вольностей“ и сердца молодых казаков учащенное бились, рука крепче сжималась к прикладу винтовки, ибо на них возложена высокая миссия: защита Дона, защита своих границ, своего родного угла. На эту их священнейшую обязанность указывал и во имя этой обязанности на смерть их призывал никто иной, как тот же Харламов!

Что же это такое? Кому и когда верить? Что нам, „дурной“ „серой массе“ делать, когда наши „светлейшие личности“ сегодня призывают нас к одному, а завтра призывают разрушать вчерашнее?

Или... „прошли года, уснула страсть, прошла любовь“; пленил ясное сознание казака Харламова туман русских политических группировок?

Когда Харламов на своем докладе бросил отдельные фразы, как бы делая вызов казачьей крови устанавливал отдельные „положения“, ничем, кроме его личного „высокого авторитета“, не подтверждаемые, мне казалось, что он смотрит на нас, казаков, как на серую массу, неспособную отличить день от ночи. И эти мои предположения вполне оправдались, когда я из уст докладчика услышал, что ему, в качестве председателя Донского Круга, приходилось плохо, ибо он имел дело „с серой массой Депутатов Войскового Круга“. Что же тогда говорить о нас, простых смертных, собравшихся на его докладе, когда докладчик позволяет называть на своем собрании лучших сынов Донского Казачества „серой массой“!

Харламов много раз и настойчиво утверждал, что

самостийность — явление новое, Казачеству неизвестное, в эмиграции родившееся. Так ли это?

А ведь под предводительством никого иного, как того же Харламова б. Донской Атаман ген. Краснов на Войсковом Круге 11 сентября 1918 года говорил речь, в которой, между прочим, сказал следующее: „Да, „Всевеликим“ называли Войско Донское цари Московские, в частности царь Михаил Федорович, но когда они называли его так? Когда Войско Донское было самостоятельным. Когда Московская власть искала у Войска Донского поддержки и опиралась на него. Но, как только Москва накинула свои цепи на Войско Донское — уже и титул этот исчезает и ВВД стало просто Донским Войском, а потом — Донскою Областью и готовилось стать Донской губернией“.

Что же это такое? Значит и Краснов, говоривший, что Дон „был самостоятельным“, что на него „Москва накинула свои цепи“ и Харламов, его слушавший, говорили и слушали одно, а думали о другом? Донской Атаман в Донском Парламенте ясно и твердо утверждал, что Дон „был самостоятельным“, а ныне Харламов на публичном собрании в Париже утверждает, что идея казачьей самостоятельности не была известна Казачеству, что она родилась за границей, в эмиграции.

А ген. Краснов, будучи уже за границей, в своей брошюрге „Казачья самостийность“ от 1922 г. смеется над той самостийностью, которую в Донском Парламенте проводил и утверждал.

А ведь те славные казачьи времена, когда Дон „был самостоятельным“, когда „Московская власть искала у него опоры“, воспеты в старой казачьей песне: „Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш Батюшка; Басурману он не кланялся, у Москвы как жить не спрашивался...“

А из года в год, степь Донская, наша магушка, За пречистую Мать Богородицу, да за веру свою — православную, Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала со супостатами“...

— „У Москвы как жить не спрашивался“ — пели с гордостью наши деды, прадеды.

— „Нет, не верно, спрашивался“ — как бы отвечает этим нашим святым мертвецам нынешний живой Харламов, покорный ученик и послушник проф. Милюкова, дисциплинированный член его политической партии.

— Самостийность — Казачеству чужда, идеологию В. К. казачья масса не приемлет — много раз подтверждал на докладе своем Харламов. А вот что писалось недавно в его журнале „Путь Казачества“ (1928 год, № 22): „28 февраля 1917 года 1-й Дон. каз. полк на Знаменской площади в Петрограде и все Казачество затем в революции дали достойный ответ старому режиму на его „привилегии“. Этим ответом Казачество показало, что оно больше не желает сохранения за собой „военно-сословной привилегии“ и „привилегий нагайки“, как не отвечающих ни его жизненным интересам, ни „заветам вольной казачьей старины“.

Такую отповедь дал 1 Дон. каз. полк, будучи оторванным от родного Дона, твердо заявил о „вольноказачьей старине“, а с ним в унисон Тихий Дон и все Казачество.

Так писалось в журнале г. Харламова всего несколько лет тому назад о „заветах вольной казачьей старины“. Как мы, простые смертные, должны теперь его понимать, утверждающего и отвергающего сейчас всякие „заветы вольной казачьей старины“? Или то было только бросание „приваду“ для улавливания казачьей „рыбки“, чтобы лучше она клевала?

Как же мы, простые смертные, должны понимать? Когда эта заманчивая „привада“ бросалась для улавливания наивных казачьих душ — тогда или теперь?

Между прочим, Харламов ставил в большую вину В. К., что оно, ведя печатную пропаганду, издавая свой журнал „ВК“, навязывает казакам свою идею и, оправдывая свою бездеятельность, заявил, что „пропаганду навязывать я не имею права. Это — недобросовестно!“

И я опять таки пришел в полное недоумение и думал — за кого же он, в самом деле, принимает нас? Ведь мы сами знаем, что докладчик сам несколько лет

подряд (и не на свои личные средства) издавал свой журнал „Казачий Путь“ (потом переименованный в „Путь Казачества“), упорно и настойчиво навязывал казакам свою идею о „Российской федерации“, правда, без всякого успеха. Чго же это такое? Или же „навязывать“ казакам свою родную казачью идею — преступно и недобросовестно, а вдалбливать в казачью голову идею русской „федерации“ — и добросовестно и нужно?

— „Самостийность — явление новое, родившееся за границей“... Но вот я, пересматривая старый „Путь Каз.“ (№ 9—102), читаю: „Мы, казаки-фронтовики Уральской и других станиц, обсудив в заседании своем 13 марта пред’явленный оренбургскими большевиками ультиматум нашему Войсковому Правительству, а также заслушав сообщения о целях, с какими прибыла в гор. Илек банда, именуемая себя отрядом красной армии, постановили: отдать себя в полное распоряжение Войскового Правительства и С’езда. Завтра, 14 марта, собраться к Старому Войсковому Собору, где отслужить молебен покровителю Войска Св. Архистратигу Михаилу и принести под Войсковыми знаменами присягу в том, что нашу вольность, нашу землю, нашу седой Яик, добытые кровью наших дедов, отцов и прадедов, отдать только тогда, когда ни одного из нас не останется в живых. С нами Бог и Св. Архистратиг Михаил!“

Я теперь недоумеваю. По свидетельству этих казачьих фронтовиков (что знаем и мы сами) наши отцы, деды, прадеды кровь свою проливали за „нашу вольность, нашу землю, наш седой Яик“, а теперь Харламов на своем докладе считает преступлением защищать свой порог, свою берлогу.

Кому же верить и кого слушаться нам, „серой массой“, тех ли, кто живот свой положил за „нашу вольность, за нашу землю“, или же живого, „размагниченого“ Харламова, приказывающего нам отказаться от защиты своей берлоги?

Не могу тут же не выразить свое глубокое огорчение по поводу недостойной выходки председательствовавшего на первом собрании г. Акулинина, как в Париже его казаки называют — „генерала безогорочного подчинения“.*) Этот генерал на совершенно нормальные во всех парламентских странах реплики казаков с мест („серой массы“) назвал это „большевицким приемом“, вызвав этим сильнейшее недовольство всех присутствовавших казаков. А сам Харламов, отвечая своим оппонентам, не имея что им возразить, напомнил и указал собравшимся казакам на митинги 1917 года, т. е. поддержал Акулинина...

Эти господа забывают, что их утверждение, их попытка „сроднить“ нас, простых казаков, с большевиками опровергаются фактами жизни: здесь — нашим 12-ти летним непримиримым отношением к большевикам, а там, в наших Родных Краях — Нарымом, Соловками, где наши братья-казаки в нечеловеческих муках умирают именно за то, что они во всем так не похожи на большевиков.

И, слушая их, я думал в душе: мало нас, казаков, оскорбляли разные русские „патриоты“. Недоставало еще, чтобы наши же „водители“ начали публично нас оскорблять, приближая нас к нашим злейшим врагам — большевикам!

До каких же это пор будет продолжаться?!

Одним словом, каждое „положение“ докладчика навело на грустные размышления меня, рядового казака. Харламов из кожи лез вон, чтобы доказать, что казаки никогда не думали о самостоятельности. А вот, что я читаю в „Донской Летописи“ № 1, стр. 16: „Когда произошла революция, Казачество, никогда не знавшее крепостного права, привыкшее к самоуправлению, на деле в своем быту осуществлявшее когда-то равенство и братство, не опьянело от свободы — оно трезво оценило новую свободу, как восстановление древних вольностей своих, отобранных в 1709 году Импер. Петром I, и быстро воплотило

* См. „Общий список делегатов Зарубежного С’езда“. По списку ген. Акулинин числится первым. „Возр“. № 314, от 12 апр. 1926 г.

их в жизнь, создав демократическую войсковую организацию, сумев сочетать свободу с порядком».

Яснее этого нельзя сказать: восстановило то, что было «отобрано в 1709 году императором Петром I». Точно и определено. А что было в 1709 году — нужно только прочитать книгу проф. Сватикова «Россия и Дон».

Все мы знаем, что казачья масса сама по себе есть порядок и закон, а потому и само Казачество сумело гармонически сочетать свободу с порядком, а в конечном итоге, свою неуклонную волю претворило в создание своего независимого государства, статья 1-я Конституции коего гласит: «Все великое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства». Текст присяги, которую выработали наши же «вожди» и по которой все мы присягали, гласит: «Обещаюсь честью Донского казака перед Всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Все великому Войску Донскому, своему Отечеству».

Донское Казачество, в лице Войскового Круга, как бы предвидело, что в будущем могут появиться «законотолкователи», пересказчики-искажители всех оттенков, политические жонглеры, а поэтому в назидание не

только им, но и В. Атаману сказало в своем примечании: «Право Атамана на возвращение для вторичного рассмотрения Кругу не распространяется на Основные Законы», т. е. Конституцию Донского государства.

И вот, я опять мучительно думаю — что же мне делать? Быть верным своим Основным Законам, данной перед Богом присяге, приказу Войскового Круга, или — отказаться от всего этого, плюнуть на все и покорно последовать за «авторитетным» призывом живого и «большого» Харламова, ибо он нам доказывал, что и Основные Законы, и присяга все это было только временно, покуда мы, «вожди» не найдем настоящей дороги, не откроем истину. Вот теперь он все это нашел: и истина открыта и верный путь найден. Имя всему этому — «Российская федерация»! Значит, время уже — под бок и присягу и прочее и — слушайте только моих откровений!

Нужно сказать, что Харламов умеет «соблазнять малых сих». У него и авторитет, и опыт, и «народное доверие». Ему и карты в руки!

Но я знаю одно: как бы он искусно меня не соблазнял, он не сможет меня убедить, что перед Св. Евангелием клясться и Св. Крест целовать можно «временно».

Он еще мог бы мне доказать необходимость и полезность отказа от своих государственных законов во имя интересов живых казаков. Но он из меня никогда не сделает клятвопреступника!

А. Ленивов.

Предатель должен быть заклеимен!

Согните в бараний рог низкого человека, он вас будет благословлять, попробуйте с ним обращаться хорошо — он вас согнет в бараний рог, гласит французская поговорка... Памятуя это, абсолютно необходимо отметить и заклеимить позором предательство ген. И. Ф. Быкадорова, дезертировавшего из рядов В. К. и ныне пытающегося провоцировать стихийно развивающееся вольно-казачье движение.

В № 2482 «Возрождения» от 19 марта с. г. помещено «открытое письмо» ген. Быкадорова к казакам, причем «автор» несомненно полагает, что оное выступление должно произвести известное впечатление и даже... повлиять на умы и настроения казачьих масс... Присмотримся к тому, что он пишет. ...«Знакомство с общей обстановкой, участие в самостоятельном движении и знание обстановки вокруг него — привели меня к твердому убеждению, что казачья самостоятельность — является не благом, а большим злом для настоящего и будущего Казачества». Какой стыд, срам и позор для ген. Быкадорова писать такие слова! И это тем более, что тот же самый Быкадоров еще недавно понимал казачью самостоятельность несколько иначе, именно: «Интересы, благо Казачества, стремление к осуществлению независимого государственного бытия — есть основа, тот свет, которым казак и должен освещать и лица и события для понимания отношения к ним».*) Он не только сам лично понимал в 1927-1928-1929-1930 г. г. казачью самостоятельность как благо, как способ спасения Казачества, но еще и являлся активным пропагандистом идеи казачьей самостоятельности. А теперь... что ни слово, что ни фраза в пресловутом «открытом письме», то полное отрицание того, чему Быкадоров раньше поклонялся и во что верил! Больно и прискорбно смотреть, как человек, написавший «Историю Казачества», имевшую успех у казаков, теперь сам себя бичует, лакейски распластываясь перед тем, что отвергал несколько времени назад.

Безапелляционно и самонадеянно, ничем не аргументируя, Быкадоров заявляет, что «создание казачьего государства (Казаккии) совершенно неосуществимо». Точно ли создание Казаккии совершенно неосуществимо — недалекая действительность сама на это отве-

*) И. Быкадоров. «Казачья и русская точки зрения», № 46 журн. «В. К.» от 25 окт. 1929 г.

тит... А если «проповедь этой идеи — есть просто средство для субсидирующего журнал «В. К.» для достижения своих целей и задач, ничего общего с благом и будущим Казачества не имеющих», то невольно возникает вопрос, — какого черта тогда Быкадоров торчал в рядах В. К. почти три года, почему он не прозрел сразу... или, быть может, какие либо иные причины мешали Быкадорову раньше положенного времени прозреть?.. Не Быкадорову ли принадлежат слова: «Журнал «В. К.» — есть первый свободный и независимый, действительно казачий журнал, все освещающий исключительно с точки зрения интересов и блага Казачества и никого иного».*) Или же стало так, что когда Быкадоров был в рядах В. К., то тогда и журн. «В. К.» и само вольно-казачье движение направляли свою работу во имя блага Казачества, но лишь только Быкадоров дезертировал и принялся выливать помой на ту Идею, каковой он служил три года, то и журнал «В. К.» и самостоятельное казачье движение стали «средством для субсидирующего журн. «В. К.» для достижения своих целей»!.. Приходится констатировать, что Быкадоров зарпортовался и еще как...

Слава тебе Господи, вероятно уж ему перевалило и за пятый десяток лет, а вот поди же рассуждает, как какой-то мальчишка, угрожая тем, что «если бы создалась Казаккия, то это были бы новые Балканы с разделением казачьих земель между Россией, Украиной и Кавказом».**) Припомним, что Быкадоров проповедывал несколько времени тому назад, именно: «Было бы наивным полагать, что самоопределение народов Вост. Европы — образование ими государств — может осуществиться без вооруженной борьбы, а государственное бытие их может быть обеспечено только лишь признаниями, союзами, договорами. Они безусловно необходимы, но необходимо у них, в том числе и у Казаккии, существование вооруженной силы — армии».***)

*) Речь Быкадорова на празднике ВК в Праге. См. № 26 «В. К.».

**) От ред. У Быкадорова в этом месте явная невязка, ибо, если создается Казаккия, то Казачество как раз и не будет поделено между Россией, Украиной и Кавказом.

***) Быкадоров. «О вооруженных силах Казаккии» — № 49 журн. «В. К.» от 10 декабря 1929 г.

Так вот, сообразуясь с обоими приведенными выдержками, смеем указать Быкадорову и его место... Если повергаются в прах и топчутся ногами междонародное право, то вполне логично, что отпадает необходимость продолжать мирные взаимоотношения с нарушающими свои обязательства — государствами! Как прямое следствие конфликта, на сцену выступает разрешение спорного вопроса — путем обращения в действие вооруженной силы, на каковой факт, мы и указываем Быкадорову.

Заверения Быкадорова о том, что „казацья самостийность ведет к изоляции (пробыванию в одиночестве), т. к. никаких добрых союзных отношений у самостийников-казаков с самостийниками украинцами и горцами Кавказа нет и не может быть“... Читаешь и удивляешься нахальству Быкадорова, когда он сам себя же кроет собственными словами, стоит лишь вспомнить, что он сам утверждал в 1928 году: ...„друзья Вольного Казачества, господа, уже определились; мы не одиноки. Друзья и союзники эти — все народы бывшей Российской империи, стремящиеся к своему национальному освобождению, к осуществлению своего самостоятельного бытия. Наши естественные друзья и союзники — также и народы, уже освободившиеся от России и СССР и живущие самостоятельной государственной жизнью. Естественный союз, блок народов Востока Европы, диктуется не сентиментами, а жизненными интересами их, взаимными выгодами: он — необходимость и неизбежность.“*) Надо полагать, что Быкадоров, говоря последнее, имел к этому известные основания; касательно же его утверждения, что у казаков-самостийников нет добрых отношений с украинцами и горцами, скажем ему просто: „врет, как сивый мерин“, основывая свое личное мнение хотя бы на том, какая существует дружба между „Союзом Вольных казаков (сепаратистов)“ в г. Лионе и Украинскими эмигрантскими организациям там-же.

Вчера Быкадоров утверждал: „Вольное Казачество — Казакия — было и есть особый мир от Московского (русского). Эти два мира всегда были противоположными, всегда враждебными друг другу, как следствие различной природы казачьего и русского (великорусского) народа“;** сегодня тот же Быкадоров, лакейски унижаясь перед своими барами, лепечет: „Судьбы Казачества, как в прошлом, так и в настоящем и будущем тесно связаны с судьбами всего русского народа, русской государственностью, русской культурой“!

Жалок и мерзок в своей новой роли Быкадоров...

Было время, Быкадоров писал: „Пали духом отцы, от битв новых они отказались; но заветы дедов, тех могучих орлов, как святые знамена остались. Внуки! Вы стали орлами — расправьте ж могучие крылья и клетотом слова разбейте отцовские цепи бессилья“... И как ни странно, слова его оказались пророческими: отцы пали духом и отказались от борьбы во имя сохранения заветов старого славного Вольного Казачества и на смену им вышли внуки-казачата, полные знаний, отваги, дерзаний и решимости „победить иль умереть во имя Вольного Казачества“. „Отцы и дети“ — вечно было, есть и будет!..

Быкадоров закидывает и такую удочку, в надежде поймать нужную ему „рыбку в мутной водичке“, именно: „Обещания лиц субсидирующих журнал „Вольное Казачество“, предоставления широкой базы для казачьей интеллигенции для борьбы с большевиками оказались просто обманом“. Согласно указываемой выдержке, Быкадоров как-будто имеет тенденцию объяснить свое пребывание в рядах Вольного Казачества — продолжением борьбы с большевиками. Смеем указать, что для борьбы с такими противниками, каковыми являются большевики, всем идущим на борьбу с ними, необходимо иметь разум, желание победить и самое главное — упорство, настойчивость, непоколебимость... Имеются ли последние качества у

Быкадорова иль нет? Лично мне кажется, что оных качеств у него нет и не может быть, судя по его предательству в отношении Вольного Казачества.

И несколько странным является выступление Быкадорова в данном направлении (В. К. — база для казачьей интеллигенции для борьбы с большевиками), тем более, что в свое время ему — т.-е. Быкадорову было пред'явлено обвинение в том, что он вел пропаганду среди Кубанских казаков, живших в г. Нише (Юго-Славия) в пользу возвращения казаков в советскую Россию... (См. „Путь Казачества“ от 20 марта 1928 г. № 26-27 [119-120]).

В долине р. Нила водятся особые „зверьки“, которые в зависимости от среды меняют окраску своего тела; эти „зверьки“ называются хамелеонами. К числу их на основании установления факта изменения „окраски духа“, мы разрешаем себе сопричислить и Быкадорова...

Не знаешь, чему удивляться, наивности Быкадорова или же его бессовестному извращению действительности, когда он заверяет, что „развитие казачьей самостийности в СССР вело бы к обращению всего русского народа во врагов по отношению казаков и в первую очередь т. н. иногородного населения казачьих областей“. Смеем заметить, что было в период 1917-1920 г. г., то есть и сейчас, то и будет, именно „Донское Казачество и Московское государство — это два особых мира, две особых стихии; взаимоотношения их непрерывная вражда и борьба, обращавшаяся нередко и в вооруженную. Желаяшим получить фактические данные достаточно обратиться к труду проф. Сватикова — „Россия и Дон“.*)

Сетование Быкадорова на тему о том, что „Восстание под лозунгом самостийности, не связанное с общими русским движением, заранее обречено на неудачу, с окончательным обескровлением Казачества“ — по нашему разумению излишни и необоснованы, ибо Быкадоров не имеет ни малейшего представления о настроениях Казачества на местах, т. е. на территории советской России. А для того, чтобы окончательно добить Быкадорова в его измышлениях приводим выдержку из газеты „Возрождение“ от 23 ноября 1931 г.: „С прошлого года многое изменилось на Украине, в Казачьих Землях и на Кавказе... И украинцы, и донцы, и кубанцы только и мечтают теперь об освобождении от большевицкого ига. Ссылаются на пример прибалтийских государств. Против Москвы ненависть большая“... (из доклада в Лондонской торговой палате). Никто не знает будущего, правда, за исключением Быкадорова, но „... зная, врученное в свое время Казачеством бывшим вождям своим и отброшенное теперь ими, благоговейно поднято нами, Вольными Казаками, как святыня!.. (слова Быкадорова).

Были дни, когда Быкадоров доказывал, что „необходимость, неизбежность служения Казачества России и в будущем у некоторых казачьих деятелей (назовем А. П. Богаевского и В. А. Харламова), является лейбмотивом всей их деятельности. И если уже нельзя излечить от дурмана старых, то предохранить от него молодежь является задачей В. К.“**)

Кто травил Богаевского?.. Быкадоров. В чей огород бросал камушки Быкадоров, когда писал „... среди видных деятелей Казачества, „русских интеллигентов“, казаков по происхождению, выработалась психология: быть даже лакеем, но у большого барина?“ — В огород Богаевского.

„Листья опали, осень настала“... Быкадоров стал лакеем, а посему и пишет: „Вольное Казачество“ обратилось в орудие травли и распространения лжи про донского Атамана ген. Богаевского, разложения станции, отрыва части казаков от общерусских национальных сил“. Гнусное и вместе с тем жалкое зрелище, представляет собой Быкадоров, когда льет „крокодильевы слезы“. Да и в самом деле „разложение станций и т. д.“ В добавление же ко всему, со стороны Быкадо-

*) Речь Быкадорова на празднике В. К. в 1928 г. № 26 „В. К.“ от 25 дек. 1928 г.

***) Быкадоров: „История Казачества“ кн. I-ая, стр. 172. Прага. 1930 г.

*) Из речи Быкадорова на празднике В. К. в 1929 г., см. № 50 „В. К.“.

***) Быкадоров. „№ 59 журн. „В. К.“ от 25 декабря 1929 г.“.

рова следует и утверждение, что „Донской Атаман ген. Богаевский избран представителями всего казачьего населения Дона, и, за отсутствием таковых, не может быть переизбран“.

Это что же, Быкадоров выступает в роли законника?.. Базируясь на этом, мы разрешаем себе ответить принципиально по существу затронутого вопроса, именно „может или не может ген. Богаевский быть переизбран“? По нашему разумению ген. Богаевский должен был подвергнуться переизбранью давно, именно еще во времена Казачьего с'езда в г. Пловдиве (1922 г.), т. е. когда кончились его полномочия, как Атамана В. В. Д., определенные „Основными Законами В. В. Д.“, в разделе III, главе V, параграфе 20-ом: „Донской Атаман избирается Войсковым Кругом из Донских казаков на три года“. Посудить логично, почему ген. Богаевский не может подвергнуться переизбранью, почему на основании Донской Конституции не может здесь на чужбине быть избран новый Донской Атаман? Тем более, что в данном отношении имеются уже известные прецеденты, например: избрание на о. Лемносе ген. Науменко.

Голословное заявление Быкадорова о том, что преступно собирать деньги на созыв Вольно-Казачьего с'езда, мы также не можем обойти молчанием, ибо прежде всего сам Быкадоров знает что с'езд соберется и знает также о том, какие результаты даст с'езд. Сообразуясь с этим, неужели для казаков, желающих освобождения Казачества невозможна и непосильна маленькая жертва — деньгами?.. Быть может Быкадоров думает, что казакам лучше давать свои трудовые деньги в различные „фонды“!..

Ошибается и глубоко заблуждается Быкадоров,

когда заявляет о том, что „знает общую обстановку и знание обстановки около самостоятельного движения“. Много воды утекло с тех пор, как Быкадоров отошел в сторону или его ушли... Но, предатель оказался один, а в ряды Вольного Казачества вошло много сотен природных казаков, коим дороже всего честь Казачества, кои не продают своей шпаги, как это делает ген. Быкадоров.

Символический лозунг Вольно-Казачьего движения „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“, собирает под знамена В. К. всех честных, храбрых и стойких казаков, бойцов за возрождение Казачества, за создание казачьего независимого государства — Казакии... и этим казакам, Быкадоров-предатель не чета.

„Среди донской молодежи много агрономов, юристов, химиков и др. специалистов, но, насколько мне известно, нет ни одного, подготовленного к работе по истории“ — сетовал в 1929 году Быкадоров. Смеем ему заметить: совершенно напрасно! В те дни, когда Быкадоров стал „историком Броневским“, из рядов донской казачьей молодежи пришла смена Быкадоровым на историческом поприще...

Выступление Быкадорова против Вольного Казачества не имеет теперь уже абсолютно никакого значения, ибо казачья масса осознала себя политически, а сверх того и личность Быкадорова из за частой перемены своих „убеждений“ является настолько одиозной, что вольные казаки лишь посмеиваются над таким выступлением...

В своей последующей работе, Быкадоров должен руководствоваться по нашему постулатом — „Quod licet Iovi, non licet bovi“ (Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку).

Санжа Аршинов.

Выброшенное письмо.

Как вольный казак, я с глубоким уважением и высоким почтением отношусь к тем людям, которые стоят у руля вольноказачьего корабля и умело его ведут к намеченной высокой и святой для нас цели.

К числу таких рулевых я относил и ген. Быкадорова на основании его статей в жур. „ВК“ и его книги „История Казачества“, которую он тогда (был настолько любезен!) прислал мне со своим собственноручным письмом.

Вот это его письмо ко мне:

„Глубокоуважаемый Санжа Базырович! Постигшее лихолетье Казачьей Земли нас, казаков, рассеяло по всему миру. Во всех уголках мира обитают и ютятся одиночки и группы казаков, перемешавшихся с общероссийской эмиграцией. Не стану описывать, ибо вам хорошо известно, в какой нужде, лишениях и бесправии живут наши собратья-казаки в своем рассеянии, но необходимо подчеркнуть моральное положение, в котором пребывают эти изгнанники.

Дело в том, что с одной стороны теснят и сжимают своими щупальцами коммунисты, стараясь сломить твердую Волю Казачью, с другой, охотятся за казаками русский дворянский сброд и подхалимные монархические слизняки с „единой, неделимой“. Все это вместе взятое является исконными и злыми врагами Казачества и его вольностей. Вот враги, с которыми приходится бороться не на жизнь, а на смерть, не щадя своего живота и беда тому смельчаку, кто посмеет встать на эту борьбу...

Я один из тех, которые с первых дней революции встали на защиту Казачьих вольностей, был избираем в Войсковом Кругу на пост товарища председателя Донского Войскового Круга и товарищем и заместителем председателя Верховного Круга, участник походов и т. д. И скажу, что борьба с ультра-правыми была не легкая и кровавая своими последствиями. Это Вам, пожалуй, известно.

Но не только там, на Дону, но и здесь, в изгнании, пришлось столкнуться и выдерживать страшный напор

со стороны этой гнусной оравы, которая с пеной у рта подняла страшный гвалт в подхалимной русской прессе против нас, добиваясь полного изжития и, к величайшему удивлению, в этом „квартире“ принял участие официальный орган Донского Атамана и правительства „Казачий Союз“, перепечатав заметку из русского дворянского жупела „Возрождение“, чем лягнули меня, Вас и других и „взяли на мушку“.

Но и это меня не остановило, наоборот, я удесатерил свою энергию и уже теперь многие и многие разглядели тех, кто нас поносил и в свое время, вероятно, потребуют ответа.

Посылаю Вам книгу „История Казачества“, которая вызвала страшное негодование наших врагов. Прочтите ее не только читать, но и сохранить на память. Изучайте ее наизусть, тогда Вы будете еще сильнее вооружаться в борьбе с общими нашими врагами. С казачьим приветом И. С. Быкадоров.

Письмо это написано 25 мая 1930 года. Я его бережно хранил в почетном уголке своего эмигрантского сундука, а его книгу, следуя его совету, я много раз перечитывал, что укрепляло меня морально все больше и больше. И я радовался: значит, есть еще такие люди, которые пишут такую книгу о Казачестве и такое, полное огня и непоколебимой веры, письмо; значит, живо еще славное Вольное Казачество; значит, есть еще порох в пороховницах, не иссякла казачья сила! Есть еще казаки, готовые жизнь свою принести в жертву во имя Казачества.

Но потом, несколько месяцев тому назад я прочитал, что этот же самый Быкадоров на собрании парижских вольных казаков заявил, что он утратил свою веру в осуществимость идеи Вольного Казачества, но что он все же продолжает оставаться 100%-м вольным казаком и ни от одного своего слова он не отказывается.

Думаю: утратить веру — большое несчастье, а от несчастья никто не гарантирован. Хорошо, что он все же остается вольным казаком и ни от одного своего

слова (следовательно, и от слов в приведенном выше его письме) человек не отказывается. Значит не все еще потеряно.

Но вот, меньше чем через два года, как это письмо он писал мне, а именно 19 марта с. г., по определению Быкадорова (с чем я лично не совсем согласен) в „подхалимной русской прессе“ — газ. „Возрождение“ (№ 2482) читаю „открытое письмо к казакам“ того же самого ген. Быкадорова, в котором он, что называется, стал вверх ногами. Не хочу высказываться по существу этого самого „письма“. Вероятно, сделают это люди более меня компетентные, а скажу только, что оно

убило во мне какую-то частицу моей веры (веры, конечно, не в идею В. К., ее во мне никто и ничто не способно убить!), а веры в элементарную человеческую порядочность, само собой разумеется, прежде всего в порядочность самого автора „письма“. И, вполне естественно, письмо не порядочного человека не может занимать почетный уголок моего сундучка, а потому я решил это его письмо ко мне выбросить в свалочное место, а копию письма отправить в редакцию нашего журнала „ВК“ для опубликования, чтобы казаки видели — чем недавно был ген. Быкадоров и чем он стал теперь.

Общеказачья студенческая станица в Белграде ген. Быкадорову.

На станичном сходе своем, Белградская Общеказачья студенческая Станица 23 марта с. г., заслушав текст „Открытого письма к казакам“ генерала И. Ф. Быкадорова, напечатанного газетой „Возрождение“ в № 2482 от 19 марта с. г., единогласно поручила своему правлению объявить в печати следующее постановление:

Станица очень рада тому обстоятельству, что г. И. Ф. Быкадоров объявил во всеуслышание о своем выходе из вольноказачьего движения, ибо там ему и не место.

Нельзя же серьезно верить тому, что человек на шестом десятке своей жизни менял бы свои убеждения, как перчатки. Ясно, что он руководился и руководствуется в своих действиях мотивами исключительно материального характера и честолюбием.

Мы, казачья молодежь, считаем своим долгом указать Казачеству на его поступок подлинного провокатора и заявить, что ему не удастся забросать грязью наши святые национальные казачьи знамена.

Ему не превзойти предателей Казачества, извест-

ных нам из его же исторических трудов, печатавшихся им долгое время на страницах журнала „Вольное Казачество“ и, даже, на этом поприще ему особенно громкого имени (к чему он так, повидимому, стремится) создать себе не удастся.

Да не смутится казачье сердце очередной провокацией. По нашему, хорошо, что его гнусность раскрылась так рано и он отошел от нас, очищая нашу среду.

Идея Вольного Казачества не есть выдумка и собственность г. г. „переметчиков“ и для нее подобные выступления отдельных лиц никакой опасности не представляют.

Да здравствует Вольное Казачество!..

Да здравствует Казакия!

Белград. 1932 г. 23 марта. № 68.

Атаман Студенческой Общеказачьей Белградской Станицы П. Поляков.

Помощник атамана Станицы П. Мерзликин.
Станичный писарь П. Зрянин.

И. Гашунский.

Встречи и речи...

Вожу в вагон вечернего поезда, а там уже сидит один мой знакомец из „единонеделимцев“... Поздоровались... Усаживаюсь и я. Молчим... Запыхтел паровоз и тронулся поезд...

— А вы читали сегодняшний номер „Возрождения“? с самодовольной улыбкой задал мне вопрос мой спутник.

— Читал... отвечаю я спокойно и догадываюсь, о чем он хочет мне сказать.

— А что это там ваши казаки пишут?...

— Наши казаки „там“ — слава Богу — ничего не пишут, а ваши казаки, хоть и слабовато, но иногда, как вот и сегодня, лепечут... — заметил я.

— Что значит выражение — „ваши казаки“? обидчиво и в тоже время недоумевающе спрашивает меня спутник.

— Это вот те, что из казачьих земель в Петербург уехали и там удосужились все мозги свои вернуть, да и всю казачью душу начисто из тела своего вытряхнуть... Стало быть, такие казаки стали не нашими, а „вашими казаками“ — пояснил я.

До самой конечной станицы мы больше не разговаривали...

Через несколько дней с этим своим знакомым я снова в поезде, но уже днем... Приветствуем друг друга, усаживаемся на скамью и молчим... Поезд тронулся... Колеса черной застучали...

А не желаете ли вы, мой друг, познакомиться с прежними речами того генерала Быкадорова, который недавно поместил в „Возрождении“ „Открытое письмо к казакам“? спрашиваю я своего спутника.

— Где ж эти речи помещены?..

— В журнале „Вольное Казачество“... На денек я выпросил для вас у одного своего приятеля два номера этого весьма интересного и полезного всем журнала... Так не угодно ль вам ознакомиться с красноречием и мыслями г. Быкадорова? снова спросил я „единонеделимца“...

— А в каком году эти речи генерал произносил?..

— Ну разве для вас это не все равно?.. Очень недавно... так что „залетный соловей“ не успел еще ни помолодеть, ни постареть... заметил я.

— Хорошо... Дайте я посмотрю, что там написано...

Вручаю я спутнику своему номера 26 и 50 журнала „Вольное Казачество“ и при этом, подмигивая, наставительно ему добавляю: — читайте же каждую строку внимательно, а потом... скажите мне свое мнение...

Снова между нами водворилось молчание... Мой знакомец прежде всего посмотрел на обложку журнала, презрительно улыбнулся и, как бы нехотя и от скуки, все-таки стал читать...

Прошло всего несколько минут... Я замечаю, что лицо у моего соседа постепенно меняется и становится сосредоточенным... Морщины у его переносицы то в кучу сдвигаются, то расходятся, но зато сейчас же глаза выходят на лоб... А голова все плотней и плотней прижимается к туловищу...

Внимательно я наблюдаю за самым малейшим движением мускулов на лице своего приятеля... И я уже знаю, что он с ужасом открыл Америку и она ему совсем не нравится...

Чтение генеральских речей было окончено моим

спутником как раз к тому моменту, когда мы под'езжали к станции своего назначения.

— Ну и что же теперь вы мне скажите? спросил я его.

— Абсолютно не понимаю, что это за странный тип, ваш генерал: в „Возрождении“ помещает одно, а в „Вольном Казачестве“ говорил и писал другое... Что это значит и кто ему, после всей его словесности, теперь поверит? с досадой плюнул мой знакомый.

— А это значит, друг мой, что генерал Быкадоров, хоть, как он расписался, и „бывший товарищ пред-

седателя Донского Круга, товарищ и заместитель председателя Верховного Круга“, но, будучи из ваших „казачков“, невзначай затесался к нам, а теперь... Теперь остается ему купить себе „сивого мерина“, на мужицкий манер гарцовать на нем и вместе с какимнибудь „конником“ — фельетонистом из „сонного эскадрона пегой кобылы“, ехать куда ему вздумается... Ведь вольным казакам сей „отличный“ генерал, которого теперь и вы не понимаете, больше уже не нужен... Легкий путь ему!.. Скатертью дорожка в „единую... неделимую“ по мужицкому тракту!! 1932 г. 28 марта. Франция.

Казачьи фельетоны.

Павел Поляков. (Белград).

О, времена! О, нравы!

Окончательно, видно, паршивые времена настали. Вот, например, в старое время, пропьет, скажем, какойнибудь, ну генерал, что-ли, общественные или, там, полковые деньги — найдутся у него связи и родственники, замнется дело, уедет генерал на свой хуторок, ловит рыбу, ест пирожки и вареники и, одним словом, почует на лаврах...

Ня врать, ни подличать, ни продаваться — ничего не надо было...

К беде нашей — иные теперь обстоятельства. Деньги пропил, доверие потерял — выперли... И перед человеком — дилемма: „а жрать то что буду?“

Конечно, есть такие люди у которых совесть имеется, так они в подобных случаях легко из положения выходят. Письмо полиции составляют „разочаровался... в смерти ни кого не винить...“ Наган ко лбу. Р-раз. И... ваших нет!..

Но это люди, имеющие совесть...

В данном случае не о таких речь...

Сейчас я о генерале Быкадрове говорю.

Выперли его и пошел он искать по свету. И нашел себе „господина“ и крохи со стола падающие подбирает... Совсем по евангельски. Смиренно.

Но... опять же, не те времена... За крохи то отработать велят. И генерал — за перо.

По пунктам его писания разбирать скучно уж очень. Парой слов охарактеризовать можно: порицает все то, что сам два года доказывал. Ведь вот молодчина то... Но относительно Балкан это у него — новое. Надо бу-

дет и болгарам и сербам рассказать. Уж здорово мне нравится... Не шутка ли? Сотни лет они против турок боролись. Сотни лет воевали. Сербы с австрийцами за свою свободу передрались. А по Быкадрову выходит — зря!

Не надо было... Ни от турецкой, ни от австрийской культуры не оторвались бы и... жили бы припеваючи. Ну, вешали их... резали... убивали... Так что-ж?.. За то культурно то как!.. Не хуже Петра. (Вспомним-ка расправу с казаками: и пачками и в одиночку...) А то создали какие то смехотворные Балканы и... сами у себя дома — хозяева... И мы, казаки, туда же лезем.

Эх, генерал, генерал... А мне то казалось, что вы умней... Ей-Богу.

Но не за вас мне обидно.

Ведь у вас семья, дети... На них казаки пальцами указывать будут: „видал, семя Быкадровское“...

Вы хоть бы об этом подумали. Дети то причем?

Да... Иные времена.

Оно, конечно, подобные вам и раньше водились. Вот хотя бы... Помните:

Сколь великих жизнь поблекла,

Сколь ничтожных Рок шадит,

Нет великого Патрокла

Жив презрительный Терсит...

Откуда это?... Вы, так любящий русскую культуру, должны знать, кто это и по поводу чего написал.

Да и к вам подходит...

И Каледин, и Назаров, и М. Богаевский, и Кулабухов, и многие, многие... Их нет. Слава им!..

А вы?... Вы — живете... Ей-Богу, обидно... И за что бог на Казачество гневается? Почему не наоборот! Хотя... черт с вами!

Влево: полк. С. С. СА-
ВИЦЬКИЙ, козак стан.
Старокорсунської, К. В.

Вправо: сотник С. М.
МАРГУШИН, козак ст
Николаевської, В. В. Д.

Войск. Старшина И. М. НАЗАРОВ,
Казак ст. Константиновской, В. В. Д.
(фотография 1916 года).

А. К. ЛЕНИВОВ,
Казак хут. Сулиновско-Кундрюческого,
ст. Новочеркасской.

Думы и мысли.

К Вольным казакам.

Я читаю и перечитываю, когда есть время, номера „Вольного Казачества“, любезно присылаемые мне редакцией журнала... Душа рвется к богатырям казачьей мысли и пропаганды, но... с порывом веры в будущее Казачества по смыслу статей журнала всплывают в памяти 17, 18, 19 года. Может быть, я тогда был очень напуган и, как пуганая ворона, боюсь куста?! Сам не берусь судить.

Я, как и все, много пережил; как большинство из нас, переживал все в гуще казачьей и на Германской войне, и в походе отсюда на Яик, на Яике и в дальнейших походах... Вот эти переживания и, надо полагать, кое-какой опыт из всего к упоению чтением, как к меду, прибавляют каплю дегтя, а иногда значительно и больше. Ощущение последней пропорции обыкновенно случается после чтения свободного казачьего слова в разных обращениях и выступлениях ораторов на докладах. При этом, кроме вкуса, страдает и зрение от появления на сцене оборотней — оказавшихся персон из басен дедушки Крылова, или при виде картин нечестного растравливания и раздиранья своих душевных ран и риз.

Да, мы, казаки, научились говорить и усвоили ораторские приемы! Этого отнять у нас теперь нельзя, но способны ли мы на дальнейшее: добровольно пойти не на жертвенный порыв в экстазе от красноречия оратора, а на постоянные жертвы и за теми, за кем мы должны идти?

Только и читаешь и понимаешь из чтения, что Атаманы кругом виноваты: 12 лет сидят, а толку от них нет. Посмотреть же на самих себя при разившемся нашем сознании не догадаемся, а надо бы!

Не влились ли в нас черты Израиля того времени, когда их Моисей вел в землю Обетованную? И не надо ли нам его рецептов для обуздания нашей чрезмерной сознательности?

Сам то Моисей ораторским искусством не обладал, к счастью своего народа, но зато имел колено Вениаминово, которое мечем приводило всех к единомыслию. Несмотря на это, ему понадобилось целых 40 лет подготавливать народ к вступлению на государственный корабль, да и то народ этот в конечном итоге остался без корабля. Какова его судьба теперь, мы великолепно знаем, ибо в толщах народных сохранилась закваска Моисеева, а верхний слой его мастерски работает мечем, хотя и не из стали.

Мы же стремимся и — только к одному — отнять и последнее у Атаманов: нравственный авторитет.

* * *

Не один раз я делал попытки согласовать свои выводы о сущности Казачества и дальнейшей Его роли с выводами Вольного Казачества и вытекающей из них нашей будущности, но всегда была трещина. Не скрою, что в минуты разбора деятельности руководителей белого движения, слишком крепко связанных со всеми старыми идеями о стройке сильного государства на хребте народных масс с привитием этим массам одних лишь обязанностей и долга перед Отечеством, над величием которого работают или Богом указанные натур, или лица, стремящиеся во что бы то ни стало вскарабкаться на-верх, чувство обиды за Казачество сближало меня с Вольным Казачеством. Успокаивалось это чувство, трещина опять появлялась. Теперь, с появлением № 92, я счел необходимым поделиться мыслями с казаками о нашей невязке в действиях и сло-

вах с нашим общим желанием вернуться в родные края.

В настоящей статье я не задаюсь целью оценивать или критиковать все исторические выводы, или заключения из разных суждений, освещающие Казачество. Я имею в виду познакомиться казаков со своими лишь личными мыслями о сути Казачества; хочу указать, где была зарыта собака всех наших ошибок и грехов, благодаря которым мы выплеснулись из родных берегов; хочу передать, потерявшие веру в возможность будущего существования Казачества свою, и не слабую, надежду на то, что Казачество, не может погибнуть, ибо Дух Казачий, как и учение Христа, жив и будет живым, не смотря на каверкание их разными „Богомеченными“ и партийными людьми с примазавшимися к ним разными жрецами.

Прошу не ставить мне виной шероховатости выражений и, возможно, не совсем планомерного изложения.

* * *

На основании знакомства с историческими данными (м. б. не вполне достаточными?), с литературой как казачьей, так и другой, а также и на основании и своих личных выводов из наблюдений, я определяю себя и всех коренных, или, как у нас на Яике говорили, „кровных“ казаков „отпрысков волевого элемента народных масс, населявших пространства бывшей России, который уходил в свое время от обезличивания, издевательства на поиски лучшей и свободной жизни“. Что выходит из такого определения? — Многое!

1. Общинное устройство (организация). Как дрались казаки за отстаивание своего уклада жизни, говорит История; и должна будет опять сказать.

2. Сила и упорство казаков при отстаивании своего „самими себе добытого“, а также в освобождении от гнета и неволи христиан, находились в прямом отношении к силе памяти о вынесенных самими мучениях. Причем, при положительном решении вопроса о помощи (надо помочь!) казаки не долго останавливались на политической казуистике.

3. Проявление дисциплины (безоговорочного повиновения Атаманам*) а через это единомыслия, замечалось только тогда, когда можно столкнуться со смертью нос-с-носом. Значит — на войне, походах, в поисках добычи, как бы это ни выражалось: набегам, охотой, или рыболовством.

Седой Дон, Широкая Кубань эту дисциплину бросили как раз в самый критический для себя момент. Кто виноват? — Конечно, только не казаченьки! Не так ли?

4. Говорить, что Казачество погибло внутри СССР потому только, что мы здесь можем расплыться и вымереть, будет ложью.

Люди там, в СССР, уходят в плавни, горы, леса. Правда, эти люди на Дальнем Востоке называются партизанами; большевики кроют их белобандитами. Эти партизаны были и при царском правительстве. Перевернши лозунгам большевиков, дрались с белыми, теперь дерутся с красными.

Какое другое имя мы можем дать им, как не имя Вольных казаков, силою вещей не могущих пока осесть. Приходит более и более данных о том, что большевики не в силах покончить с этим движением. Думается, что и в то время, когда придут антиподы большевиков, это движение не замрет.

5. Казаки далеко в даль не заглядывали, в смысле обеспечения за своими потомками мира и благоденствия в рамках государственной жизни, больше заботясь о выгодах для общины настоящего и, развивая в себе и молодежи боязнь прослыть трусом, или изменником Казачьего Духа. В последнем заключается вечная мудрость наших прадедов, что, Бог даст, мы будем видеть в дальнейшем изложении.

6. Казаки хотели жить вольно и по своему не только сами, но старались дать эту возможность и более ши-

*) От ред. Но, опять таки, выборным и до тех пор, пока они отвечали стремлениям избравших их. В противном случае — меняли.

роким массам. Степан Разин, Яицкие казаки с Емельяном Пугачевым.

У последних мы видим политическую дальноразорность: если не задать встряску царству ужаса и бесправия — Белокаменной, то она на казака, как на ягнечка, наложит свою руку, да и скушает; а затем и переварит его в государственного человека, на скотскую должность, или на хамское положение. Такой государственный человек при молчаливом участии православной церкви (молчаливом ли?) не мог и думать, что в Евангелии гозорится именно о нем в словах об обремененных, трудящихся и нуждающихся: это де говорится об Иоафетовом племени, а он из Хамского, которое давным давно проклято Богом.

Что умного и дальновидного было и есть в лозунге: „пригребай к своему берегу“, хотя бы он и выражал всенародное настроение Всевеликого Войска, а ныне — большинства казаков за границу, чтобы всячески клеймить и своих Атаманов и командующих Добровольческой армией — казака Л. Г. Корнилова и Врангеля.

Клеймим ведь мы их за то, что они лучше всех наших партийных вождей понимали необходимость очередной встряски Москвы; генерала же Врангеля не за то ли еще поносим, что он бессознательно принял на себя завет Степана — вырвать Волгу из рук Москвы, пошел тем же путем, каким думал идти Степан Разин, и шел Емельян Пугачов?!

Как завели в проклятые годы приросшие к своим берегам казаки свою волюнку — „повели нас, завели, да и бросили“ — так тянут ее от своей сознательности и по сие время. Удивительное дело: пращурь и деды жалковали о том, что все выходы у них позакрыты, а их отпрыски одно лишь твердят — „драться не отротчики, но за грань не пойдём!“

* * *

Приходилось мне читать, что только Дон де развился до государственного понимания своей Особы и только Ему де Ивановичу, способному эволюционировать, возможны широкие казачьи возможности, а остальные де нечего и мечтать.

Раздумался я в свое время над такой писанинкой. Больно резнуло меня по сердцу, что государственность Его сказала в приобретении рабшиек, холопишек-мужичишек, в расслоении казаков на богато одаренных земельной (кем?), мало одаренных и т. д., да и подумал: „Слава Тебе, Яик Горынович! Ой, да и умен же ты был, что Московскую заквасочку не принял и в чистоте Своей сохранился!“

По моему, именно с той поры, как Дон усвоил себе государственную премудрость, Дух казаков, природных общинников, и начал угасать. Именем казачьим стали пользоваться, как ярлычком к сосуду, бывшему когда то со старым и крепким вином; в сосуд же стали подливать м. б. и вино, но всегда Московского изделия, которое выгонялось абсолютно изо всего и только в крайнем случае гналось из винограда?! Не подливаем ли мы и теперь такого винца?

Не лучше ли нам сохранять аромат вина — Казачий Дух, а вино очищать от всех примесей, имея конечной целью согласование великих заповедей Христа с жизнью на земле. Что Казачий Дух был животворен, доказывает сам Суворов, прививший Его к своей армии в виде памятки — „сам погибай, а товарища выручай!“ Надо знать время, когда это вводилось Суворовым в армию и, по всей вероятности, не без риска для своей карьеры, дабы не сказать, что он слишком мало позанимствовал от казаков, бывших у него со своей „особой“ дисциплиной.

* * *

Для меня вполне понятны идущие к самому сердцу статьи и доклады в журнале „В. К.“ представителей славного Калмыцкого народа. Ужас, переживаемый Калмыцким народом там, в СССР, заставляет соотвественно реагировать и его представителей за-гранью: „Долой из Казачества все русское; с кем угодно союз, но только не с русским народом!“

Калмыцкий народ связал себя с Донским Казаче-

ством, крепко разбавленным московским винцом, и в то же время старавшимся о материализоваться в особое государственное образование. И в этом была роковая ошибка интеллигенции этого народа. Если бы она, интеллигенция, сделала вывод из своей истории; спокойно присмотрелась бы к новому образованию, то, вполне возможно, калмыки, завязав даже вооруженную борьбу с красными, ушли бы из России теми же путями, по которым и пришли в нее.

Видимо, какая то спешка а, м. б., что и другое не дали калмыкам возможности увидеть грозное знамение скорого поражения союзника — раздробление в нем воли, признаки чего были прямо вопиющи: перед лицом грозного врага усилила образовавшегося организма (в лице лучше одаренных природой и возможностями людей) шли не только на борьбу с врагом, но и на развитие разных государственных аппаратов, на заботы о просвещении и даже на контроль над выборным „Всенародной душой“ Атаманом в виде нерасходившихся Войсковых Кругов.

Итак, как отразилось на Калмыцком народе не-во-время начатое Государственное Донское Образование, мы знаем, но при чем тут русский народ?! Теперь я задам вопрос строителям (не-во-время) Кубанского государственного образования и сознательным кубанцам, бросившим Царицынский фронт и тем наказавшим Врангеля (не себя ли?).

Подумали они о том, что удар по Врангелю из-за попа Рябовола может отразиться, так или иначе, на судьбе какого то серенького, равнинного Войска — Уральского, на части Оренбургских казаков, на частях Поволжских народных отрядов и на части Астраханцев, составлявших Уральскую Отдельную каз. армию, которая, если и не вошла из-за расстояния в подчинение ген. Врангеля, то согласовала свои действия с ним — Врангелем?

Не сказалось ли в Кубанцах сумасшествие богато одаренного хозяина, который всеми силами стал раздувать пожар из искры, по недоглядке уроненной неприятным ему квартирантом, дабы, хотя бы этим путем, вышибить последнего с квартиры? Только при сумасшествии можно было не думать ни о собственной семье, ни о соседних домах. Если же здесь не было сумасшествия, то как назвать этот акт, как не изменой против Казачьего Духа? Такое преступление казаками каралось всегда смертью. Почему виновны здесь Врангель, Деникин, Покровский и часть своих казаков Кубанцев? — Ума не приложу!

* * *

Ныне мы, казаки, вполне сознательно опять беремся за государственную химию над выплеснувшимся за грань и на местах вином. Сохраним, лучше, аромат вина — Казачий Дух здесь и там, в СССР.

Поле деятельности широко: плавни, леса, горы, сопки. Там нуждаются не в людях (отн. Дальн. В. я верно знаю), а в снаряжении, деньгах и только в лицах с высшим военным образованием, способным к почти пока звериной жизни. Можем давать им прощание — примем все меры к этому. Не можем, вернее — не желаем, — не будем называться казаками, ибо нам места в Казачестве нет и не будет.

Атаман Вл. Толстов. —
Казак Тополинского поселка, Зеленовской
станции, Яицкого Войска.

ОТ РЕДАКЦИИ. Посылая печатаемую выше статью редактору „В. К.“, автор ее прислал одновременно и письмо с мотивировкой того, почему она могла бы быть напечатана именно в „В. К.“ Исполняем, как исключение, это желание Яицкого Атамана. Печатаем его обращение „К Вольным казакам“ и по своим соображениям — как доказательство и свидетельство того, — пусть не сердится почтенный автор за откровенность (так по крайней мере скорее договоримся!) — как много путаницы и неразберихи царствует еще в некоторых казачьих головах и как много еще надо говорить нам друг с другом!

Намерение автора вступить в дискуссию по затронутым им в своем обращении вопросам — мы приветствуем. Но, такие „прения“ имеют смысл только тогда, когда вступающие в них авторы подходят к ним не из „любви к искусству“ и с непредубежденным намерением выслушать и своего оппонента и допускают, что и тот другой не менее искренен, или что и у него могут быть серьезные основания защищать свое мнение. Спор только тогда имеет цену, когда каждый спорящий не только желает доказать правоту своих убеждений другому, но и допускает, что тот другой может тоже владеть истиной, — а это значит, что можно не только убедить другого, но и допускать возможность, что убедит тебя.. Надеемся, что автор вышепечатаемого обращения в этом отношении с нами согласится.

Соглашаясь на печатание статьи Атамана Толстова, редактор принимал в соображение еще и то обстоятельство, что вопросы в ней затронутые, носят характер „внутренний“, т. е. начинают дискуссию (обсуждение) по некоторым нашим внутри-казачьим делам.

Итак, господин Атаман, пишете Вы довольно резко. Но, мы Вас выслушали. Не будьте же в „претензии“, когда и в. к. ответят Вам в Вашем же тоне. Хотя должны предупредить, что мы сейчас живем в такой обстановке, когда нужно думать не столько о полемике друг с другом, сколько о надвигающихся событиях и о своей в них роли..

Пока — несколько общих замечаний.

Вы вот „иронизируете“ на счет того, что казаки „научились говорить“. А Вы что же, господин Атаман, хотели бы, чтобы они и до сих пор молчали? — Молчали и — очутились за тридевять земель, за морями-океанами.. Не только говорить, но и многому еще надо нам учиться: учиться править Войском, когда кого выберут Атаманом; учиться строить государство и править им, а не только уметь признавать сии качества и право за чужими „капралами“; учиться нам нужно и бороться за свои права.. Словом, ой — как много еще нам надо учиться. И слава Богу, поэтому, что казаки начали учиться. И „болеть“ сейчас нужно не о том, что „начали учиться“, а о том — успеем ли научиться, догоним ли других.. чтобы не быть нам только историческими батраками других народов.

Больше всего Вы недовольны, кажется, что В. К. — против Атаманов. — Нет, мы не против Атаманов, мы против плохих Атаманов. Вы вот вспоминаете Моисея.. Не рискуйте сравнивать с ним наших теперешних Атаманов. Моисей увел свой народ от служебной роли по отношению к другому народу и вел его в землю обетованную, свою землю обетованную. Наши же Атамановы ведут Казачество как раз на служебную роль к другому народу. Если выражаться Вашим же библейским языком, они готовят нам роль

Русские о большевизме.

... „Русские анти-большевики думали в начале, что большевизм чужд России. В действительности, большевизм самым коренным образом связан с телом и духом России. Нити тянутся от славянофилов к большевикам. Ленин более укоренен в русской истории и в русской душе, чем Керенский...“

Ф. А. Степун. „Посл. Нов.“ от 30 марта, № 4025.

колена Вениаминова при чужих Моисеях в интересах чужого народа.

Вы пишете: „Мы же стремимся — и только к одному — отнять и последнее у Атаманов: нравственный авторитет“. — Нет, не к тому мы стремимся. Мы, казаки, попали в трудное положение невозможности переменить Атаманов. Казачество и Атаманы в своих политических программах разошлись. Казачество должно поэтому стремиться к тому, чтобы эту гармонию восстановить: для этого неизбежно переменить Атаманов, ибо Атаманы для Казачества, а не Казачество для Атаманов. Это право — право поставить над собою новых, отвечающих желанию Казачества, Атаманов есть право в казачьем сознании законное и естественное. Не погибать же Казачеству из-за плохих Атаманов!

Мы расходимся с Вами, или Вы расходитесь с нами в своей исходной точке, откуда Вы ведете все свое построение. Мы теперь уже знаем, что казаки не суть „отпрыски“, не суть „беглецы“. Это основное. Это — суть. Нас в противном убеждать уже нельзя. Вам же можем только сказать: пока этот вопрос — вопрос о происхождении Казачества — „ищущими правды“ казаками не будет решен ясно и безоговорочно, до тех пор они будут блуждать в трех соснах своих внутренних сомнений и нерешительности.

Далее — еще несколько замечаний-ответов — в порядке Вашей же статьи.

Когда Вы говорите: Дон, Кубань дисциплину бросили — нам непонятно, какой момент Вы имеете в виду — если „болезнь“ 1917 года, то она была всеобщей и выделять ни Дона, ни Кубани нельзя. Если Вы имеете в виду год 1919, то — разрешите Вам коротко сказать: не знаете, о чем говорите, не знаете того, что в действительности было. Зачем же так уверенно говорить?

Здесь же хотим отметить еще одно обстоятельство: Ваше некоторое пренебрежение к рядовому казаку в ответе на вопрос: „Кто виноват? — Конечно, только не казаченьки!“ в этом слове „казаченьки“. Сегодня „казаченьки“, а завтра один из них может быть Атаманом, а сегодняшний Атаман завтра тем самым станет „казаченьком“. Так было у казаков, так и должно быть. Поэтому не „казаченьки“, а — казаки.

Далее — по существу. А почему бы Вам, господин Атаман, не поинтересоваться и тем, что думают „казаченьки“? Разве для Атамана это зазорно? — Нет! повторяем: Атаманы для „казаченьків“, а не „казаченьки“ для Атаманов.

Должны мы заметить, что и понятие В. К. не совпадает у нас с Вашим. Казаки — не ватага. Казачество — народ. Мы и думаем поэтому, что в к. движение не замрет, не только пока не будет осуществлена наша программа, но вообще уже никогда не замрет.

Вы как будто ставите казакам в заслугу или считаете это положительным качеством, что „казаки далеко вдаль не заглядывали“. Не будем спорить с Вами на тему о том, заглядывали или не заглядывали. Сейчас пришло такое время, когда заглядывать надо! Ой, как надо!

Не понимаем мы, почему вы, говоря о командовании Добрармии, упоминаете ген. Корнилова, тогда как фактическим руководителем и командующим, с которым казакам действительно пришлось „встретиться“ и на поле брани, и на поле политическом, был ген. Деникин, о котором Вы умалчиваете?

Когда мы читаем у Вас о том, что Врангель думал „тряхнуть“ Москвой, „принял на себя заветы Степана“, и пр. — простите нам, но „не ведаете бо, что говори-

те“. Это Деникин-Врангель хотели „тряхнуть“ Москву! — У всех нас это может вызвать только улыбку в адрес столь неосведомленного автора. Казачеством они пробовали тряхнуть — это правда! Тряхнули так, что действительно и на фронте не удержались...

Когда Вы пишете об „ударе по Врангелю из-за попа Рябовола“..., мы понимаем, что дело идет об убийстве Кулабухова. Мы, кто знает, что в действительности было, можем сейчас только пожалеть, что Казачество своевременно не ударило надлежаще по Врангелям. Возможно, что и спаслось бы... Но, хотелось бы и на этом месте сказать Вам, прежде всего как Атаману: Кулабухов (не Рябовол, хотя и последний, как председатель Рады, убит был не менее гнусно) был не только поп. Кулабухов — казак, член Рады и избранник Рады. К сожалению, повторяем, били не казаки по Врангелю, а Врангель-Деникин, вешая Кулабухова, били по всему Кубанскому Казачеству...

Смеем также Вас уверить и в том, что Врангель не хотел совсем вырывать Волгу из рук Москвы, а, наоборот, Дон, Кубань, Терек вырывал из рук казачьих для Москвы.

Не считаем уместной и ту иронию, какая чувствуется в Ваших словах, когда говорите о Донском или Кубанском государственных образованиях. Не согласны и с тем, что начаты они не во время. Начаты они во время, да не совсем удачно закончены (в смысле возглавления).

Вы вот, господин Атаман, пишете, что кубанцы, бросив фронт, подвели Уральскую отдельную казачью армию. Вот видите, вам это было можно иметь свою армию, а нам, кубанцам, нельзя. А почему — Вы узнать не поинтересовались (а приговоры выносите!).

Неправильно совершенно и Ваше предствление о роли „хозяина“ и „квартиранта“. Дело то в том, что в действительности квартирант оказался разбойником-грабителем, объявившим себя хозяином, а хозяина превращавшего в работника.

Прежде чем говорить Вам об „измене Казачеству“, мы бы посоветывали Вам, господин генерал, раньше чем так резко судить других казаков, хорошенько узнать их „преступления“. Такие Ваши суждения делу не помогут.

Из Вашей фразы: „Ныне мы, казаки, вполне сознательно опять берем за государственную химию над выплеснувшимся за грань и на местах вином“ — не трудно вывести заключение, что Вы сам — против активного казачьего государственного строительства, предпочитая ему пассивное, „непротивленческое“ (Толстовское?) „сохраним, лучше, аромат вина — Казачий Дух здесь и там, в С. С. С. Р.“ — Для того, чтобы сохранить Дух, надо сохранить носителей Духа. Иначе — Ваше желание сохранения Духа — остается фразой без реального содержания. Нельзя говорить только о „сохранении Духа“ в то время, как там так старательно выдавливают физических носителей его. Правда, что Дух — бестелесный, но жить он может только в теле. И чем здоровее тело, тем здоровее и Дух.

В конце своей статьи Вы вот говорите: „Поле деятельности широко: плавни, леса, горы, сопки“.

По „духу“ Вашей статьи видно, что это поле для казачьей деятельности рисуется Вам не только для настоящего момента. Думаем, что это не все для казака. Правду говоря, мы хотели бы уже жить не только в плавнях... Если бы вся „казачья стихия“ укладывалась только в это — все это Вы нашли бы и в Австралии... Кажется, что это не так...

Мало и одного только „снаряжения“. Когда то Вы

Иностранцы о положении там.

... „Все мечтают о войне и возлагают на нее надежды. Украинская и казачья агитация развивается на юге очень сильно и многие думают, что там неминуемы крупные восстания...“

„Возрождение“ от 4 сего апреля, № 2498.

его уже имели, но — в плавнях не удержались и... очутились в Австралии. Нельзя ставить себе борьбу — конечной целью (борьба ради борьбы). С нашей точки зрения — цели Казачества в осуществлении своей государственности — отведут борьбе единственно ей надлежащее место.

Последние фразы статьи Яикского Атамана, по нашему, — приговор над самим их автором, ибо он, очевидно, желает дать туда и снаряжение, и Дух Казачий и... не может дать. Почему же он не делает логического вывода для себя, а использует сей силлогизм, как приговор для других? — Мы же можем ему ответить: желаем и сделаем все, что сможем.

Пресса.

„Яш Туркестан“ и „В. К.“

„Яш Туркестан“ („Молодой Туркестан“) — орган защиты национальных прав Туркестана — выходит на турецком языке в Берлине под редакцией г. Мустафы Чокаева с конца 1929 года. Читается этот журнал в Турции, Афганистане, Персии, в Китае, в Румынии (Добруджа), т. е. всюду там, где распространен турецкий язык. Советская пресса Туркестана часто полемизирует с „Я. Т.“ О распространенности этого туркестанского журнала говорит, между прочим, и тот факт, что, по сообщению самого „Я. Т.“ (см. № 27), его стали переводить на язык „орду“, на котором говорят мусульмане северных провинций Индии и в значительной части Афганистана.

В мартовской книжке за настоящий год (№ 28) „Я. Т.“ посвящает особую редакционную статью В. К. по случаю выхода 100 номера „В. К.“ под заголовком „Казачи — самостийники“ (К выходу 100-го номера журнала „Вольное Казачество“), которую мы перепечатаем ниже целиком, как доказательство о том, как неправильны были представления о казаках у других народов (не решаемся послать им на этом месте упрек, т. к. и казаки, в свою очередь, знали их не больше и думали о них так же неправильно, как и они о нас) и как только сейчас эти неправильные старые представления начинают заменяться новыми представлениями, отвечающими подлинной сути Казачества и подлинному пониманию казачьего вопроса.

Вот эта статья:

„Казачи — самостийники“, т. е. казаки, стремящиеся, как и мы сами, к государственному отделению от России, это для многих-многих туркестанцев звучит как-то странно. В недавнем жестоком прошлом казак нам представлялся, как какая-то живая „карательная машина“ русского царизма, как одушевленные нагайка, пика и сабля старого режима, готовые уничтожить всякого неповинующегося русскому царю. Русский царизм исчез, надеемся, на вечные времена. Вместе с ним исчезает прежний страшный облик „казака“. Перед нами выступает другой казак, казак отрешивающийся от роли „покорителя под ножи“ российского великодержавия вырвавшихся на путь национальной свободы нерусских народов. Крупнейшие казачества, как Дон и Кубань, сейчас же после прихода к власти большевиков, организуют у себя свою государственность и по форме и по содержанию вполне независимую. Представители этих казачеств приезжают в Европу и пытаются добиться здесь у великих держав признания независимости и суверенности Дона и Кубани. Они просят принять их членами в Лигу Наций.

У себя на родине донским и кубанским казакам пришлось вести войну не только с московскими большевиками, но и с белыми русскими армиями. Большевики не так скоро победили бы, а, может быть, даже и не победили бы вовсе Дон и Кубань, если бы белая армия ген. Деникина не подточила силы казачества. Таково, между прочим, и мнение самого Троцкого.

Поражение на родине не могло не отразиться и на

В заключение можем все же сказать, что не все плохо в Вашем письме-статье. Но, Вы, господин Атаман, стойте на распутье. Во всем Вашем письме борются два начала: Ваша казачья природа и то, что привито Вам русской школой. То, что хорошо у Вас, — то от казачьего начала; то, что плохо, — наносное русское. Помните: начало русское и начало казачье совместить нельзя без ущерба для интересов казачьих. У наших здесь Атаманов взяло верх начало русское и потому они все казачье подчиняют интересам русским. Будем надеяться, что у Вас возьмет верх начало казачье и мы скоро будем приветствовать Вас в своих вольно-казачьих рядах.

настроениях казачьей эмиграции. Одни готовы повернуть вспять, в лоно старого российского великодержавия, подслащенного эфемерной формулой федерации. Это в большинстве „стариками“. Другие в подавляющем большинстве молодежь и рядовые казаки — стали на путь дальнейшего развития и углубления идеи казачьей независимости.

Выразителем этого течения в казачестве является выходящий в столице Чехо-Словакии двухнедельный журнал „Вольное Казачество“. 10 марта вышел 100-ый номер этого журнала. В русской эмиграции, без различия политических оттенков, и в среде казаков российской ориентации „Вольное Казачество“ встречает резко выраженное враждебное к себе отношение. Оно и понятно. Но „Вольное Казачество“ продолжает свою работу. Программа-идеал „В. К.“ — создание независимого государства — Казакки — из казачеств Кубани, Дона, Терека, Астрахани, Урала и Оренбурга. И среди казаков-самостийников программа эта встречает противников, впрочем, не принципиальных, а только, так сказать, практических, т. е. тех, которые считают ее невыполнимой в части, касающейся Астраханского, Уральского и Оренбургского Войск. Мы не хотим вмешиваться в этот внутриказачий „домашний“ спор. Для нас важно отметить принципиальную постановку вопроса о казачьей независимости. Мы полагаем, что если казачья независимость осуществится даже лишь в пределах Дона и Кубани, то и этого одного достаточно, чтобы и другие казачьи Войска стали смотреть на себя не как на „русские области“, а как на особые формации, имеющие свои особые от русских интересы. И уже совершенно несомненно, что притягательным центром для не освободившихся казачеств будет не Москва, не Россия, а свои казачьи независимые Кубань и Дон.

Борцу за идею независимого казачьего государства — „Вольному Казачеству“ — наш искренний привет.

— Мы можем только радоваться начинающемуся взаимопониманию народов, борющихся за свое освобождение. В прошлом, действительно, все мы друг друга не знали, а если и знали, то из того источника, который меньше всего был заинтересован в том, чтобы эти знания могли послужить взаимному пониманию и сближению часто даже соседних народов.

Приветствуя „Я. Т.“ за его общее признание нашей вольно-казачьей программы, мы с своей стороны постараемся узнать туркестанскую освободительную программу от самих туркестанцев и выразителей их национальных стремлений. Мы глубоко уверены, что это единственный путь не только к взаимному познанию, но и к согласованию предстоящей всем нам борьбы за одинаковые идеалы.

Посылая ответный привет „Я. Т.“ и наши искренние пожелания успеха его национально-освободительному делу, можем одновременно только добавить, что В. К. программа уже сейчас стала притягательным центром не только донских, кубанских или терских казаков, но в не меньшей мере и казаков астраханских, яицких или оренбургских, равно как и калмыцкого народа.

„Український Хлібороб“ і В. К.

„Український Хлібороб“, що виходить в Бразилії (тижневий незалежний орган „Українського Союзу“ в Бразилії), в числі своєю від 27 лютого ц. р. містить статтю п. С. Савицького під назвою: „Під увагу українським колам“.

В цій статі автор цілком ясно ставить загальне питання: „Хто може бути щирим приятелем України підчас визвольної боротьби? — Ті народи, які будуть мати спільного ворога. Такими щирими приятелями можуть бути донські, кубанські, терські, оренбурзькі, астраханські і уральські козаки та калмики, які тепер під лозунгом самостійної Козакії ось уже чотири роки стараються об'єднати всю європейську козачу еміграцію під вільно-козачі прапори“.

„Для непоінформованого українця створення нової

незалежної держави — Козакії — справді буде видаватися неймовірним явищем“, додає шановний автор і тому далі коротко інформує читачів „У. Х.“ про вільно-козачий рух і взагалі про козачтво. Не дивлячись на деякі невеликі хиби в цій інформації, можемо лише вітати автора її, бо, як це не дивно, українці про козачий рух знають далеко менше ніж ми знаємо про рух український і занадто менше, ніж того вимагали б спільні, загальні україно-козачі інтереси.

Більш ніж погоджуємося і с такими рядками шановного автора: „Від того, як поставляться українці до вільно-козачької ідеї у скорій, будемо вірити, визвольній війні, багато буде залежати і розв'язка визвольної війни...“

Вітаємо редакцію „У. Х.“, яка має мужність ставити козачо-українське питання так, як його і треба ставити.

Выступление ген. Деникина.

Большим событием для русской эмиграции стало недавнее выступление в Париже ген. Деникина со своим докладом на тему „Русский вопрос на Дальнем Востоке“.

Некоторый интерес это выступление представляет и для нас, казаков, и не только потому, что сам ген. Деникин сыграл столь роковую роль в судьбе Казачества, но и потому, что на этом его докладе, а особенно в его оценке русской эмигрантской прессой, еще раз и весьма рельефно обнаружилось, что русская эмиграция в национальном вопросе ничего старого не забыла и ничему новому не научилась. Еще лишний раз мы убедились в том, что если бы вернулись 1918-1920 годы, то и сам ген. Деникин и все русские анти-большевики с еще большим рвением повторяли бы то, что однажды уже с такими плачевными результатами проделали. Будет ли это наукой и тем нашим „русским казакам“, которые все еще никак не могут оторваться от былых „нождей“ „белого“ дела?

Приведем ниже некоторые характерные места как из самого доклада, так и из оценки, данной ему в русской прессе.

„Возрождение“ в номере от 29 марта говорит, что „общий смысл доклада бывшего главнокомандующего“ сводился к тому, „чтобы русские эмигранты ничего не предпринимали до тех пор, пока русский народ не встанет против советской власти“...

Относительно же „восстания народа“ сам ген. Деникин сказал: „...без народа борьба обречена на неудачу. Об этом свидетельствует неопровержимо наше недавнее прошлое. В эти годы великой смуты боролись армии, боролись сотни тысяч русских людей, были и есть вспышки народного гнева, были и есть миражи народного подема, но народ еще не восставал“... (см. „П. Н.“ от 30 марта, № 4025). — Думаем, что и без всяких комментариев казаки прекрасно разберутся в том, кто были эти „сотни тысяч русских людей“... Сказал ген. Деникин и правду: „на р о д еще не восставал“. — Да, русский народ против большевиков еще не восставал. Кто из казаков хочет связывать судьбу Казачества с русским народом, пусть скажет нам, когда же этот народ восстанет и восстанет ли?

Об одном, впрочем, забыл ген. Деникин сказать, а именно о том, что в свое время он своей политикой сделал все для того, чтобы русский народ восстал не против большевиков, а против тех, кто шел против большевиков.

Не можем воздержаться, чтобы не подчеркнуть, что ген. Деникин остался... ген. Деникиным. Мы очень

хорошо знаем, что в свое время он предпочитал большевиков самостийникам: лучше пусть берут верх большевики, чем самостийники — решал ген. Деникин. Ныне он эту свою точку зрения подчеркнул еще сильнее. Цитируем по передовой статье „П. Н.“ от 30 марта: „Будьте последовательны“, обращается А. И. Деникин к этим господам (к тем, „кто призывает жертвовать „клочками русской земли“ ради спасения населения от большевиков, защищая идею Дальневосточного „буфера“. Ред.). Тогда уже „не надо противиться украинскому „буферу“, не надо возмущаться новоявленной Казакией, ибо все эти буферы, все эти отрывы „клочков земли“ действительно ослабили бы советскую власть и повели бы, быть может, к ее падению. Но что случилось бы тогда с Россией?“ Да, „перепелелись“ тут советские и русские интересы!..“

Смысл этой цитаты из речи ген. Деникина больше чем ясный: в споре самостийников с большевиками Деникин будет снова на стороне большевиков. Ценою успеха самостийников он не желает даже свержения большевицкой власти. Это место из речи г. Деникина на самом докладе вызвало и реплику из публики: „Стыдно бывшему главнокомандующему идти с большевиками“...

На этом месте можем тоже поставить вопрос „русским казакам“: что же, и вы вместе с ген. Деникиным пойдете с большевиками против самостийников, даже если бы успех самостийников грозил падением советской власти?

Интересно, пожалуй, будет привести еще и характеристику русской эмиграции, данную г. Деникиным в своей речи. На этот счет г. Деникин пессимист. „Русская эмиграция в тупике, единства в ней нет“... („П. Н.“ 29 марта). „У нас нет организованного общественного мнения, нет авторитетного представительства русской эмиграции, которое могло бы, опираясь на доверие ее, и на тщательное изучение международных отношений, блюсти, в мере сил, национальные интересы России и использовать те возможности, которые дают или дадут развертывающиеся события“... „Что говорить о путях, когда при теперешнем разномыслии и разногослице неведомо, кто, куда и с чем по ним пойдет“... („П. Н.“ от 31 марта).

Пессимист г. Деникин и что касается возможной помощи иностранцев в деле борьбы с сов. властью в России: „Наше национальное сознание глубоко оскорблено примерами прошлого. Мы не видим до сих пор никакого просвета в отношениях держав к русскому вопросу“... (Там же).

● КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! ●

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: от членов ОРК в Париже: Е. Черткова, А. Затенко, М. Колесова, А. Сташко, В. Семенкина, П. Калиты, Г. Харламова, И. Избенко, А. Огиенко, А. Жукова, А. Лысенкова, И. Яковенко, Ш. Балинова, А. Лебедкина, П. Сидорова и И. Скобелина по 10 фр. от каждого и А. Трофимова 5 фр., всего 165 фр.

Через казначея ОРК поступило от: П. Эрика и С. Якименко по 1 фр., от: Гундоровца, инвалида К. и П. Кочуба по 2 фр., от: М. Шурбука и И. Тарарина по 3 фр., от: Л. Стащенко, В. Александрина, Савченко, Кисляка, Сыроватки, А. Астахова, Т. Крюкова, М. Шиповского, М. Касокова, А. Курина и Д. Побоженского по 5 фр., от: П. Зуба, Я. Голеннова, А. Затямина, К. Каменова и М. Пономарева по 10 фр., всего 141 франк, а вместе 306 фр. (триста шесть).

Получены в коронах чешских: 397 (триста девяносто семь) к. ч.

Всем вольным казакам, проживающим на территории Королевства Югославии.

Дорогие наши братья единомышленники.

В виду того, что Югословенским Правительством в данное время отменена посылка денег в другие страны, даже в заказных письмах, тем самым прекращается на неопределенное время приток казачьих денег в Прагу на В. К. С'езд для выборов Всеказачьего Походного Атамана, для развития борьбы с ненавистным нам большевизмом за наше Казачье Отечество, мы, инициативная группа ВК в Белграде, призываем Вас:

1. Сбор денег ни в коем случае не прекращать.

2. Всем вольным казакам напрячь все усилия по сбору и накоплению у себя необходимых нам средств, чтобы сделать исторический шаг в наше долгое скитание — соединить все живые силы сознательного и национально мыслящего Казачества под одним водительством — Всеказачьего Походного Атамана.

Братья... Долго мы, казаки, делились на разные Войска, делились на старших и младших, делили свои силы в борьбе за наши Края, исполняли волю различных чужих вождей — наступила пора слиться казакам в одно, стать и умереть за одно, отстаивать только одну нашу Казачью Идею.

Обращаемся к Вам с призывом, с полным сознанием за ответственность наступающего момента:

время не ждет — динар, два, десять — все приближает к нам радостный момент создания казачьего кулака, который разобьет ярмо красных тиранов.

К моменту наступления самого С'езда — Центр будет знать, сколько денег собрано в Югославии, достаточно ли это для нужного количества депутатов и, в случае нехватки, покроет ее из излишков, могущих образоваться в других странах; если же сумма в Югославии превысит необходимое, то избыток денег мы передадим Председателю С'езда на покрытие расходов, произведенных на депутатов из других стран.

Станичники, призыв ВК Франции пусть горит в Ваших сердцах, мало у нас времени — но велико наше желание вырвать нашу Отчизну из рук врагов.

Смелыми владеет Бог...

Слава Богу, что мы — казаки.

Инициативная группа ВК в Белграде:

П. Поляков.
Н. Дмитренко.
Б. Кундрюцков.

Уполномоченным по сбору средств в Югославии является Павел Сергеевич Поляков, Београд, ул. Иована Ристича, бр. 15, которому и посылать все предназначенные на созыв С'езда деньги.

Все поступающие средства П. С. Поляков будет хранить в банке на имя свое и Н. Дмитренко. Только

с общего их двух согласия средства могут быть взяты из банка.

О всех поступлениях П. С. Поляков точно и аккуратно будет сообщать редакции „В. К.“ для опубликования, что, одновременно, будет служить и соответствующим контролем.

Уже поступило от: П. И. Кузнецова 20 динар, А. П. Чорного 15 д., Б. А. Кундрюцкова 20 д., Н. Ф. Букина 10 д., Мороза 30 д., А. П. Беломестнова 10 д. и И. И. А. 10 д., всего 115 (сто пятнадцать) динар.

Общеказачья Студенческая Станица в Белграде — в ряды В. К.

На перевыборах в Общеказачьей Студенческой Станице в Белграде, состоявшихся 23 прошлого марта, избрано следующее правление:

Атаманом Станицы — П. С. Поляков, помощником — П. М. Мерзликин, казначеем — Ф. В. Бояринов, писарем — П. Ф. Зрянин. Председателем ревизионной комиссии избран Ф. Н. Денисов.

На этом же заседании единогласным постановлением Станицы решено вступить в ряды Вольного Казачества.

(Соб. кор.)

В Брно.

13 марта с. г. вольные казаки в Брно отпраздновали выход сотого номера журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“.

Представитель журнала, инж. В. В. Карпушкин, разослав предварительно, по мере возможности, приглашения на „Казачью беседу по случаю выпуска сотого номера“, в помещении Украинской Громады, в виду присутствия и гостей чехов, открыл беседу коротким вступительным словом на чешском языке, коснувшись направления журнала, его целей и значения для казачьей эмиграции. В конце вступительного слова попросил присутствующих почтить вставанием память покойного сотрудника журнала Ю. Ф. Гончарова.

С приветствием выступали: от чешской православной общины в Брно vrchní oficiál Petržilka; от народной партии горцев Кавказа — Адиль-Гирей Кулати, который, между прочим, основываясь на исторических данных, указал на родство казаков с горцами. От Украинской Громады приветствовали редакцию журнала инж. Тараган и инж. Мисюра — голова.

Надо отметить особенное задушевное отношение украинцев, которые не только любезно предоставили свое помещение, но и поддержали „Казачью беседу“ громадным участием.

К концу беседы канд. инж. Запорожец (дон.) указал на общую цель казаков и украинцев и призывал как тех, так и других идти к этой цели рука об руку.

Инж. Швец (укр.) призывал смотреть теперь на казаков не как на „бывших царских опричников“, а только лишь как на „людей, стяхнувших уже с себя это „русское почетное звание“ стремлением к образованию независимого казачьего государства.“

Время убежало незаметно и все разошлись с сознанием того, что сотый номер журнала оказался по соборником дружеского объединения вольных казаков с украинцами и горцами в Брно.

(Соб. кор.)

В Париже.

(На докладе инж. М. М. Еремиева.)

20 марта с. г. Донская Парижская станица устроила публичное собрание, на котором прочитал доклад украинский инженер М. М. Еремиев на тему „Голос Франции в защиту угнетенных народов России“. Председательствовал на собрании атаман станицы ес. А. Н. Трофимов, который, представляя собранию докладчика (б. посол Украины в Риме), произносит краткое

вступительное слово, а затем инж. Еремиев делает чрезвычайно интересный исключительно на французских исторических документах основанный доклад, из которого явствует ошибочность взгляда некоторых казаков, что иностранцы мало знают казаков. Оказывается, иностранные государства, в частности Франция, очень давно и очень хорошо знали казаков и знали их не как „военное сословие“, а именно как казаки и народы („nations de Cosaques“). В подтверждение этого положения докладчик цитирует целый ряд документов. Франция, знавшая казаков, как особый народ, его стремление к государственной независимости, а с другой стороны — хорошо знавшая, предвидевшая рост и усиление Российской империи, ее великодержавную угрозу для Европы — значительный исторический период на этом своем знании строила свою государственную политику, видя именно в этих казачьих народах (Запорожцы, Донцы) надежный оплот для ограждения Европы от вторжения завоевателей с Востока.

С этой целью еще Людовик XIV интересовался вопросом воссоздания казачьего независимого государства на Востоке Европы. И Наполеон имел проект такого независимого казачьего государства, а некоторые политические деятели тогдашней Франции предлагали ему назвать это казачье государство „Наполеонидой“. Тогдашняя Франция ясно различала: Московитов и Казаков, знала глубокое между ними различие. Она тогда совершенно правильно полагала, что тот, кто будет „хозяином“ Черного моря — будет иметь преобладающее влияние в Европе, а м. б., и в мире, а потому, предвидя, после подавления казачьей государственной независимости, величайшую угрозу для Европейского равновесия со стороны Российской великодержавия, Франция стремилась к восстановлению независимости народов Востока Европы. После разгрома Запорожцев, Франция обсуждала вопрос о переселении Запорожской Сечи на Рейн для создания „буферного“ государства между Францией и Германией.

В приобретении в то время широкой известности в Европе о Казачестве, именно как об особом народе, во многом сыграл роль гетман Мазепа, просвещеннейший по тому времени человек, который имел широкую связь с европейскими государствами.

Поэтому, ошибочен взгляд, что Европа не знала и не знает казаков. Она их знала хорошо. Но потом, вследствие определенной пропаганды русского правительства, подпиравшейся не малым количеством рублей, эта известность казачьих народов в Европе насильно и искусственно была „затушевана“, постепенно стала забываться. Интересно — каким способом вначале добилось этого „поворота“ взгляда на казаков русское правительство. Оно сначала, при помощи своих людей и „рублей“, добилось того, что в Парижском Институте была учреждена кафедра изучения славянского языка (а не славянских языков!), под каковым разумелся русский язык. Казалось, дело очень невинное, чисто научного характера. Но под этим невинным делом скрывалось большое политическое дело: этим самым как бы признавалось, что существует только один русский народ, что других славянских народов в пределах России, других славянских языков там не существует. Законопроект об учреждении такого института прошел через парламент, приняв силу государственного закона. После этого, русское правительство, ссылаясь на этот „прецедент“, мотивируя, что „европейское общественное мнение стоит за это“, издало манифест, в силу которого все другие славянские народы России оказались „стертыми“ и остался один русский народ с одним славянским языком, одна Империя. Такими обходными путями русское правительство в свое время добилось временного забвения в Европе украинского и казачьих народов. Но теперь это забвение в Европе, в свою очередь, начинает забываться и европейские народы уже знают — чем и кем были украинский и казачьи народы. В Париже даже учрежден Институт изучения материалов и документов той эпохи, когда Франция знала украинцев и казаков только как особые народы и на этом знании строила отчасти и свою внешнюю национальную политику, в каковой институт входят видные

парламентарии и общественно-политические деятели Франции.

Докладчик выражает свою глубокую уверенность, что недалеко то время, когда нас мир будет знать такими, какими нас знала Франция до-революционного и революционного времен. И, познавши нас, Франция вернется к той своей старой политике, которая видела в украинском и казачьем государствах способ сохранения европейского политического и экономического равновесия.

После доклада состоялись прения.

— Ш. Н. Балинов говорит, что он с большим интересом выслушал доклад, вернее, чтение исторических документов французских архивов, из которых явствует, что по крайней мере Франция уже давным давно лучше нас самих знала — кто мы, казаки, и что мы. На этом своем знании строила свою государственную политику в смысле поддержки и оказания помощи самостоятельному и союзному Франции казачьему государству. Эти же документы свидетельствуют и о том — к каким недобросовестным приемам прибегало русское правительство в деле „разжалования“ казачьего народа в „военное сословие“. Мы, вольные казаки, повинуюсь велению крови (и по другим историческим данным), пришли к выводу, что казаки — особый народ. А вот пожелтевшие листы французских исторических архивов, со всей неумолимой беспристрастностью исторических документов, подтверждают нашу позицию. Эти же документы являются неопровержимым ответом против той оживленной „работы“, какая происходит в последнее время в Париже... За этот убедительный и своевременный ответ, какой дает нашим противникам из казаков посторонний объективный свидетель, мы должны благодарить докладчика.

Свое слово по поводу доклада я этим и ограничу. Но я хочу воспользоваться сегодняшним собранием и сказать „пару слов“ по поводу „открытого письма к казакам“ ген. Быкадорову, которое мы читали только вчера в газ. „Возрождение“. Это „письмо“ способно вызвать у всякого казака только одно чувство — омерзение. Мне уже вчера многие казаки (и даже некоторые русские люди!) говорили, что отвечать на такое „письмо“ уважающий себя человек не станет. Если же „В. К.“ думает ему отвечать, то лучшим ответом ему будет написать следующее: „Ответ ген. Быкадорову. Чем бы дитя не тешилось — лишь бы не плакало“. И точка. Но, лично я не согласен с таким взглядом на это самое „письмо“ и считаю необходимым кратко ответить хотя бы только на сегодняшнем собрании.

Ведь, дело В. К. настолько справедливое, правое дело, что на его мельницу льется вода отовсюду. Даже само это „письмо“ — вода на мельницу В. К., ибо: 1. наша вольно-казачья семья очистилась окончательно от ставшего вредным сочлена, а во 2. он своим этим „письмом“, что называется, угробил самого себя и теперь, при всем своем желании, он не в состоянии повредить В. К., не способен с пользой для своих новых „союзников“ выполнить „социальный заказ“, потому что его словам ни один живой человек не поверит. Уж одно это — большая польза для В. К.

Но интересно содержание этого „письма“, начинающегося совершенно ложным утверждением, что де В. К. собирается созвать С'езд „для избрания „нового“ Донского Атамана“. Тогда как для всякого нормально-го человека очевидно, что С'езд предполагается созвать не для избрания Атамана, а для обсуждения больших и больших вопросов Казачества. Бог с ним, с Донским Атаманом, пусть себе „до гробовой доски“ атаманствует. Нам от этого ни тепло, ни холодно. Мы, живые вольные казаки, думаем не об атаманском кресле, а о судьбе живого, страдающего Каз-ва, ищем путей и способов для его спасения, не связывая его судьбу с судьбой политических мертвецов из русской эмиграции, тем более не подчиняя им.

Недавно Быкадоров на нашем собрании в этом же самом помещении говорил, что он продолжает оставаться 100% вольным казаком, ни от одного своего слова, сказанного им в качестве вольного казака, ни от одной своей строчки, написанной в „В. К.“, не отказывается. Но он, мол, утратил веру в осуществимость

цели В. К., а потому он отстранился от В. К. Но если идея Казаки осуществится, то он, Быкадоров, рад будет работать для нее в качестве рядового работника. Так он говорил всего каких-нибудь 3 месяца тому назад. Если бы он продолжал вести такую тактику, то он представлял бы для В. К. некоторый вред, ибо наши противники стали бы говорить: смотрите, Быкадоров, продолжая оставаться вольным казаком, все таки отошел в сторону. Значит, в В. К. не все благополучно.

Но теперь он уже говорит, что перестал быть вольным казаком и утверждает, что если даже цель В. К. и осуществится, то она явится большим злом для Казачества; сам же переметнулся в стан наших врагов, коих он недавно поносил последним словом. Что можно сказать против такого моментального превращения взрослого человека? Можно только сказать, что он совершил над собой моральное „хара-кири“. Как раз сегодня один казак, прочитав это его „письмо“, сказал мне: „Утратить веру еще можно, это — куда не шло. Но утратить совесть казачью — это куда хуже!“

В этом, господа, наше несчастье! „Вожди“ наши в большинстве своем говорят о казачьих правах и интересах ровно до тех пор, покауда это им „интересно“, покауда это сулит им имя, положение и хорошую жизнь. Но как только эта надежда не оправдывается, они моментально поворачиваются на 180° и начинают бить казаков „с глубокого тыла“. А казакам остается только делать „большие глаза“, с болью в душе примириться с еще одним лишним обманом и... тратить вообще веру в человеческое слово...

Я не буду говорить вам о ложном утверждении „письма“, что, мол, у вольных казаков нет союзников ни среди украинцев, ни среди горцев и т. д... Вы сами все встречаетесь и с украинцами, и с горцами, и с туркестанцами и знаете, как они относятся к идее казачьего сепаратизма. Недавно я на докладе Харламова цитировал статью из последнего номера журнала „Prométhée“ — органа объединенной организации трех крупных единиц — Украины, Кавказа и Туркестана. В этой статье прямо и ясно говорится, что они приветствуют В. К., что успех последнего является их успехом и — наоборот: их успех — успех В. К.

„ВК“ обратилось в орудие травли и распространения лжи про Донского Атамана генерала Богаевского, разложения станиц, отрыва части казаков от общерусских национальных сил“ — пишет Быкадоров. Прежде всего мы должны от души поздравить ген. Богаевского с его новым „союзником“. А затем, я, как человек несколько лет вместе живший и работавший с Быкадоровым, должен сказать — какого мнения был последний относительно Богаевского (я лично с ним именно в этом „вопросе“ не соглашался). Когда заходил вопрос о ген. Богаевском, то Быкадоров всегда нас ошарашивал своим вопросом: „А знаете-ли вы, что в воде не тонет?“ А затем часто рассказывал, что когда на Дону в 1917 году зашел вопрос о кандидате на пост Донского Атамана и между другими именами назвали и имя ген. Богаевского, то родной брат последнего, покойный М. П. Богаевский, в ужасе сказав: „Африкан — Донской Атаман?!“ — разразился диким хохотом. Настолько дикой показалась Митрофану Богаевскому мысль выбрать Атаманом его брата ген. Богаевского. Этот эпизод, свидетелем и очевидцем коего, якобы, был сам Быкадоров, последний очень часто любил рассказывать вольным казакам. Такого мнения был совсем недавно Быкадоров относительно ген. Богаевского. Теперь, он, очевидно, придерживается совершенно противоположного мнения.

Очевидная ложность утверждения Быкадорова, что В. К. разлагает станицы, ясна всякому. И это по той простой причине, что еще до появления журнала „ВК“ половина станиц „приказала долго жить“. Если кто их и разлагал, то, очевидно, сделал это кто-то другой, но не „ВК“, которого тогда еще и не было! Это ясно еще и потому, что казачья эмиграция еще в 1922 году разделилась на разные политические лагеря, когда на Донском Съезде в Пловдиве тот же Богаевский получил большинство только в один голос. Об этом знает каждый казак. Если кто вел „травлю“ против Богаевского и настроил тогда против него ровно половину

Съезда, то сделал это кто-то другой, но ни в коем случае не журнал „ВК“, который стал выходить только в конце 1927 года!

Относительно „молодой“ любви Быкадорова к „общерусским национальным силам“... Впрочем, на этом месте пусть ответит ему... сам Быкадоров, правда, всего на три года моложе нынешнего Быкадорова. Вот что ему отвечает этот „молодой“ Быкадоров: „Может ли быть, господа, что-нибудь подлее и гнуснее? И подлость эта остается действительной до настоящего дня: мы не слышали до настоящего дня признания в своем преступлении главных виновников тогдашних событий. К сожалению, имеются казачьи деятели еще и сейчас на службе у этих российских вождей“ („В. К.“, № 26).

„Может ли быть что-нибудь подлее и гнуснее“ действий „этих российских вождей“ — спрашивал „молодой“ Быкадоров, а теперь они стали для него „общерусскими национальными силами“. Так переключаются два Быкадорова. Я от себя сюда ничего не могу добавить. Пусть „они“ переключаются, а казаки слушают и разумеют: кто из „них“ гримаса, и кто — подлинный казак Быкадоров.

Сейчас Быкадоров „в письме“ своем пишет, что журнал „ВК“ служит „для целей и задач, совершенно ничего общего с благом его (Казачества) не имеющих“. Мы от себя ничего не скажем по этому поводу, а предоставим ответ „молодому“ Быкадорову: „За все свое бытие Казачество осуществило ныне одно из высших благ — оно имеет действительно казачий печатный орган — журнал „ВК“. (См. журнал „ВК“, № 50).

„Судьба Казачества, как в прошлом, так и в настоящем и будущем (?) тесно связана с судьбами всего русского народа, русской государственностью, русской культурой“ — вещает нам сейчас Быкадоров. А вот что ему отвечает „молодой“ Быкадоров: „Общей государственной жизни у Казачества с русским (великорусским) народом не может быть; у Казачества нет и не может быть доверия к русскому народу“ (см. „ВК“, № 26); „история... показывает, что органической связи казачьего народа с великорусским, Казачьих Земель с Великороссией никогда не было“ (см. „ВК“, № 26); ныне „национальное сознание народов России расширяется и углубляется, своя национальная работа в каждой области непрерывно идет... Идеологические, психологические, моральные различия великорусского и других народов б. России из глубокого рва превратились в пропасть. Те элементы, которые сцепляли разные народы в державу российскую — дворянское сословие, российская интеллигенция, буржуазия, представители государственного и административного аппаратов — в большей части разгромлены или уничтожены, а оказавшиеся в эмиграции тоже расплозились и разложились“ (см. „ВК“, № 10).

Сейчас Быкадоров ставит русский народ на недосягаемую высоту, но не так давно он был совершенно иного мнения и писал: „В большевизме осуществляется крайнее выявление того, начало чего в существе присуще и великорусскому народу и русской интеллигенции. Чубаровщина имела предшественника в „огарковщине“, богоискательство колебалось в пределах от „толстовства“ до „распутинства“... Что для возрождения, создания единой, неделимой России нет никаких данных, кроме силы и насилия (слова об общности культуры, взаимных интересах утеряли смысл, значение), уже сознала и часть российской эмиграции — отсюда ее сменовеховство и примиренчество. Едва ли, после политического и морального разложения российской эмиграции, можно говорить о существовании в ней политических партий“... (см. „ВК“, № 11).

Я не буду прибавлять ничего к этому ответу „молодого“ Быкадорова. Но поставлю только один вопрос: чем сейчас считает себя Быкадоров, если он пошел к этим „политически и морально разложившимся“ русским вождям?

Сейчас Быкадоров обивает порог русского „вождя“, но какого же невысокого мнения был он не так давно

об этих самых „вождях“. Например, о Деникине он писал: „Мораль ген. Деникина допускает это (предательство в будущем своих союзников. Ш. Б.), как допускала его практика предательства в отношении Казачества — оставление на расправу казачьих беженцев и войсковых частей на Черноморском побережье“ („ВК“ № 10).

Такие ответы „молодого“ Быкадорова нынешнему „одряхлевшему“ можно приводить без конца. Замечательно, что Быкадоров свое „письмо“ увенчал всеми своими высокими титулами. Очевидно, он сознавал всю его нелепость, отсутствие всякой доказательности и ценности, а погону, чтобы придать ему хоть некоторую видимость силы, он выложил на стол все свои титулы. Но и тут этот „молодой“ Быкадоров (как будто чувствовал, что через четыре года, как бы развинтившись, начнет говорить несуразности) заранее ответил ему: „Мы думаем, что игра б. титулами сейчас — игра вышедшим в тираж билетом выигрышного займа“. Говорил он это, правда, в адрес Деникина, который, по его мнению, „действительно и окончательно вышел в тираж после новороссийской катастрофы“.

А Шопенгауэр о лицах, играющих титулами, уже давно сказал: „Щеголять в заголовках книг своими титулами и званиями в высшей степени непристойно: в литературе не имеют значения никакие иные преимущества, кроме духовных; кто хочет предьявлять там другие, тот показывает, что не имеет первых“.

Очевидно, и у нашего раскаявшегося „вождя“ нет никаких иных данных, кроме обветшалых титулов. Или, может быть, он этим самым хочет сказать нам, что и он „действительно и окончательно вышел в тираж“?

Как видите, перед нами есть два Быкадорова, говорящие совершенно различные вещи. Первый говорит нам о результате своего многолетнего внимательного изучения казачьей истории, казачьей жизни, психологии; а второй — „опровергает“ прежнего Быкадорова на основании своей... трехмесячной жизни в Париже, жизни, связанной с большими материальными трудностями и после... милостивой аудиенции, данной ему ген. Миллером.

Первый Быкадоров с нами, а второй — с Миллером-Богаевским. И об этом нам жалеть не приходится.

Конечно, по человечески можно понять последнее „прозрение“ Быкадорова и когда говоришь о нем, то в душе пробуждается чувство жалости, ибо это смахивает на битые лежачего. Но хоть один раз сказать об этом надо, чтобы потом не возвращаться к этому „вопросу“.

Все, что я говорю сейчас, не относится к сегодняшнему докладу, хотя последний как будто нарочно отвечает Быкадоровско-Харламовской „атаке“ на В. К. Но я счел необходимым воспользоваться сегодняшним собранием и сказать несколько слов по поводу этого поистине жалкого зрелища, какое представляет из себя это „открытое письмо к казакам“.

В заключение разрешите выразить свою благодарность докладчику за его ценнейшее сообщение о казаках и выразить надежду, что инж. Еремиев и впредь не откажется время от времени делиться с нами результатами своего исследования в этой области.

После Балинова некто Еронин задает докладчику вопрос: какая связь между докладом о Казачестве и гетманом Мазепой, о котором говорил докладчик? Дальше заявляет, что в 1917-20 г. г. казаки боролись совсем не за свою независимость, а только за автономию.

— Е. М. Якименко всецело присоединяется к докладчику и со своей стороны утверждает, что в XVIII веке Европа знала нас лучше, чем мы сами, она ясно создала и отличала украинский народ, казачьи народы и „москвитов“, что в действительности и было. В подтверждение этого ссылается на А. Пушкина, на его поэму „Полтава“, ибо, по мнению оратора, для выяснения истины о казаках и украинцах бесполезно обращаться к официальной русской истории, освещавшей события с точки зрения русского великодержавия, а нужно обращаться к литературе. Выражает сожаление, что докладчик, прекрасно осветив разные „обходные пути“ русского правительства в области извращения казачьей и украинской истории перед европейским об-

щественным мнением, не уделил должного внимания вопросу о самой России — откуда эго название и как оно появилось? Из церковных актов и царских грамот мы знаем, что существовали белая, великая и малая Руси, а потом стала одна Россия. Интересно было бы узнать — каким способом и какими путями это удалось русскому правительству?

В виду того, что докладчик не имеет возможности оставаться дальше на собрании за неимением свободного времени, он просит разрешить ему коротко ответить на вопрос Еронина.

— М. М. Еремиев. Меня здесь спрашивали — при чем тут гетман Мазепа. Вопросающий, вероятно, не совсем знает, что Мазепа все таки имеет, скажем, хоть некое отношение к казакам. Но я не хочу спорить, а скажу только, что, во-первых, о Мазепе я говорил в своем вступлении к докладу, а во-вторых, говоря о далекой казачьей истории, нельзя пройти мимо гет. Мазепы, который явился в Европе первым глашатаем казачьей правды, именно через него казаки стали известны в Европе, как народ. К тому же, только на днях исполнилось 300 лет со дня рождения гет. Мазепы и не упомянуть об этом на казачьем собрании в своем докладе мне просто было бы неудобно. Вы не должны забывать, что Мазепа сделал не мало для казаков, он был просвещеннейшим человеком, поэтом. Меня также спрашивали здесь — где и какие авторитеты говорили о „казачьих народах“? Я вовсе не собираюсь спорить с вопрошающими и предпочитаю сегодня ничего не говорить от себя. Я ограничился исключительно цитатами французских исторических документов: речи депутатов французского парламента, постановление последнего, статьи отдельных выдающихся французских деятелей того времени. Являются ли эти документы авторитетными — пусть судят другие.

Согласен с Якименко, что я не говорил о том — каким способом, каким путем получилась „Россия“. Но я сегодня этой теме вообще не касался, а поставил себе только одну задачу — показать вам, как смотрел французский политический мир, Франция на казаков, как они их рассматривали и какова была тогда казачья политика Франции, чтобы рассеять недоразумение, что, мол, Европа не знала и не знает казаков. Нет, она хорошо их знала и знала именно как особый народ.

Если казакам будет интересно, то о внутренней русской политике в отношении других народов поговорим какнибудь в другой раз.

— Атаман Донской станицы А. Н. Трофимов в кратких словах благодарит докладчика за его ценнейшие сведения и от имени собрания просит его, если можно, дать свой доклад для напечатания в журнале „В. К.“

После ухода докладчика беседа продолжилась.

(Продолжение следует).

Из жизни казачьей станицы имени Атамана А. М. Назарова в Августове.

3 сего марта, в 14-летнюю годовщину расстрела русскими большевиками выборного Донского Атамана Анатолия Михайловича Назарова, станица его имени устроила собрание, посвященное его памяти.

Открыв собрание, станичный атаман А. Кирьянов сказал теплую речь в память доблестного и достойнейшего Атамана Донского Казачества, не пожелавшего ради престижа главы свободного Дона уходить из своей столицы перед лицом неминуемой смерти. А. Кирьянов также познакомил собрание с краткой биографией Назарова: Он был сыном казака-народного учителя; родился в ст. Константиновской 1-го Дон. Окр.; окончил — Донской кадетский корпус, Михайловское артилл. училище и Академию генерального штаба; участвовал в Русско-Японской войне, где отличился, как храбрый и способный офицер; перед Мировой войной два года был преподавателем в Тифлисском военном училище.

В 1914 году, с началом войны, А. М. Назаров назначается командиром 20-го Донского казачьего полка (второй очереди). Под командованием Назарова полк

был образцовым и с честью сражался. За боевые отличия был награжден Георгием 4-й степени. Позже, уже командуя бригадой, он особенно отличился в боях на реке Сане, где однажды удачным маневром и стремительным налетом спас соседние русские части из трудного положения, при чем, в качестве противника он имел здесь части генерала Макензена. Произведенный к этому времени в генералы, он представляется к георгиевскому оружию. В 1917 году А. М. Назаров Атаманом Калединым назначается командующим войсками Таганрогского округа. 4-го февраля был созван Войсковой Круг, известный под названием „Назаровского“, и на этом Круге он единогласно был избран Донским Атаманом. Зная безвыходное положение (ибо это было после смерти Каледина, красные казаки под командой Голубова шли на Новочеркасск, в котором не было защитников), Назаров отказывался принять пост Атамана, но Круг был неумолим и, наконец, просто приказал Назарову принять пост Донского Атамана и выполнить свой долг. Всегда чуткий к слову долг, он уже не мог отказаться и со словами: „долг свой исполню всегда, но исполните же и вы“, согласился. Но события уже к этому времени разыгрались неудержимо и его усилила спасти положение были напрасны.

3-го марта 1918 года на заседании Войскового Круга Атаман был Голубовым арестован, Круг разогнан, и в ночь на 4-е марта он был со своими приближенными расстрелян. О силе духа и бесстрашии Назарова у могилы знает все Казачество. Так трагически погиб лучший сын своего народа...

По предложению станичного атамана собрание чтит память покойного шефа станицы вставанием.

После станичного атамана, уралец Пастухов выражает свою радость, что казаки так хорошо чтят память своего героя, жертвы Москвы, желает видеть казаков на родине, где в честь покойного будет казачья станица на своей земле. Стремление к осуществлению вольно-казачьего девиза: „Наш девиз — Казачья Воля, Казачья — наша цель“ считает он единственным правильным путем к достижению этого.

После него выступает станичник М. Муругов и как казак 20-го полка во время командования им Назарова, в кратких словах делится с собранием своими воспоминаниями. Храбрость, находчивость, умение этими качествами заражать и всех окружающих, вот главнейшие черты характера Назарова; он был достоин еще больших наград, но русское начальство не любило, чтобы

казаки выдвигались и он, несмотря на свои заслуги, отставал в чинах и наградах. Желая, чтобы свободный Дон достойно награждал его память, кончает он.

Станичник Сафонов выражает пожелание, чтобы 15 годовщину смерти нашего Атамана и шефа станицы казаки отмечали в родных станицах и сообщает, что жена его родила на днях сына и что „имя ему в честь Назарова — дано Анатолий; примите вольные казаки его в нашу вольно-казачью семью, я обещаюсь воспитать из него настоящего вольного казака, борца за освобождение угнетенного Москвой Казачества“ — кончает он.

Станичник Сосков И. говорит, что все это хорошо, но не хорошо, что обижаем русских генералов, в том числе и Богаевского, и находит, что они нам ничего плохого не сделали.

Кубанец Калининченко, призывает казаков к единению и не поддаваться влиянию тех, кто пытается внести рознь в нашу тесную семью, он выражает удовлетворение работой станичного атамана и уверяет, что станица всегда поддержит своего атамана.

Станичный атаман официальную часть считает законченной и просит своих помощников Е. Кочетова и Сафонову организовать вторую часть вечера... И полились скоро казачьи песни, застольные тосты, задушевная беседа.

Уходя, казаки горячо благодарили своего станичного атамана за его старание по устройству этого собрания.

10-III-1932. (Соб. кор.)

От редакции.

Один из читателей нашего журнала в письме к редактору обращает внимание на то, что выражение в передней статье 100 номера „В. К.“ (стр. 5) о Войсковых Атаманах, „избравшихся еще под давлением Деникина-Врангеля“... не может относиться к Терскому Войсковому Атаману, т. к. он избирался Терским В. Кругом „без всякого давления с чьей бы то ни было стороны“.

Охотно помещаем эту оговорку, хотя нам было бы далеко приятнее, а для казачьего дела полезнее, если бы такая оговорка относилась ко второй части оговариваемого предложения, т. е., что Терский В. Атаман не тянет „к преемнику Деникина-Врангеля-Кутепова генералу Миллеру и к повторению дела Добармии“.

В К а з а к и и.

По советским газетам.

Из „К. З.“ от 18 марта узнаем, что наводнение от разлива Кубани причинило огромные убытки многим станицам и аулам. К 18 марта реки: Лаба, Белая, Фарс частично вошли в берега. Кубань до Темрюка очистилась от льда. На Протоке лежал еще лед.

23 марта в „К. З.“ читаем: „Завод „Октябрь“ не выходит из прорыва по тракторным частям. Несмотря ни на какие меры воздействия прорыв растет“.

25 марта там же читаем об итогах „работы краснодарских предприятий за январь и февраль и первую декаду марта“. Оказывается, что „на ряде основных предприятий основная задача... не выполнена“. „На ряде основных предприятий до сих пор нет окончательного промышленно-финансового плана на 1932 год“...

26 марта в „К. З.“ пестрят заголовки: „Мертвые души“ на заводе имени Калинина“. „Это дело подсудно прокурору. Безголовые кооператоры оставляют рабочих потребителей без мыла“.

Из передовой „К. З.“ от 30 марта узнаем, что городская промышленность в первом квартале работала неудовлетворительно... Еще хуже обстоит дело с качественными показателями“...

С этого же номера начинается „тревога“ за весенний сев: „Выполнение заказа большевизского сева срывается“. „Повысить темпы пахоты и сева“. „Организовать борьбу за сроки“. „Почему единоличники не приступили к пахоте“?..

А как у них обстоит дело с паромством на Кубани, видно из следующего заголовка: „Десять аварий

в пути... Первый рейс парохода „Карл Маркс“ показал низкое качество судового ремонта“.

Письмо с Кубани.

(15 марта 1932 года).

Добрый день дорогой брат, сестра и племянник. Шлю вам свой сердечный привет и целую вас, дорогой братец, сестрица и племянничек. Я ваши письма получила и узнала про вас, как вы живете; мы тоже пока все живы, но только не знаем адреса... и где она, если узнаем, то напишу. Дорогой братец, пока мы живем ничего, хорошо. Брат Иван работает каменщиком, бьет камень; говорит: „Лиходею своему не пожелал бы, но ничего не поделаешь“. Он обещал мне выслать фотографию, я пошлю тебе адрес его. Я знаю, ... презирает того, кто сообщение имеет из чужой державы и мы поэтому опасаемся.

Эх, жизнь настала, на свете не хочется жить, не мил стал свет; подохнет народ, дорогой братец, как мухи без хлеба, уж пухнут и умирают с голоду, но зато строят социализм на голодный желудок. Миша, я буду все писать, а ты, дорогой братец, пока воздержись, не пиши, мы будем уезжать с этих мест, тогда я сообщу, где мы будем. Миша, я положу свою марку, а ты обратный адрес не пиши, а только наш и наклеи только нашу марку; пиши на меня П. К. В.

С тем до свидания, остаюсь жива и здорова и вам того желаю от Господа Бога. Скоро поеду до сестры О., но до вас трудно добраться. Я с удовольствием увидалась бы с вами, но нельзя приехать. Н.

Открыта подписка на 1932 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВИЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 м.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.